

Искорка

8

ЛЕНИЗДАТ ★ 1958

В Сингапуре

Фотоочерк П. Белова

СВОЕЙ собственной рукой я, рулевой, направляю огромный пароход в гавань Сингапура.

Над водой тихо струилась розоватая дымка знойного марева, и сквозь неё я видел причудливые очертания кораблей и белых дворцов, которые словно плыли ко мне по воздуху.

Это загадочное видение Сингапура осталось в моей памяти навсегда...

Идём по центральной части города. Улицы асфальтированы и застроены хорошими домами. Здесь размещены разные конторы, гостиницы, магазины, клубы, рестораны и кинотеатры. Здесь живут крупные чиновники и коммерсанты. Много автомобилей, ещё больше велорикш. По некоторым улицам пробегают троллейбусы. Из многих окон верхних этажей прямо над головами прохожих выставлены бамбуковые шесты с мокрым бельём для просушки.

Невольно люблюсь буддийским храмом, щедро украшенным многочисленными скульптурами. (Фото справа). Каким тру-

(Окончание см. на 3-й странице обложки)

№ 8

Август 1958 г.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Областного и Городского Советов
пионерской организации имени В. И. Ленина.

И. Малярова

У р у ч ь я

Бежит ручей с пригорюшка,
Поёт на весь лесок.
Серебряное горлышко,
Хрустальный голосок.
— Ау, прохожий! Надо бы
Корзинку на плечо,
Ведь лето спелой ягодой
Повисло над ручьём.
И лесорубы строгие
Улыбки затаят,
Как бросится под ноги им
Речистая струя.
Бежит ручей с пригорюшка,
Поёт на весь лесок.
Серебряное горлышко,
Хрустальный голосок.

1. ТАЙНА ВАЦЛАВА ГУДБЫ

СОЛНЦЕ совсем уже опустилось на лысые зелёные макушки гор. Вот-вот зайдёт. А Гриша ещё не решил, что дальше делать. То ли дожждаться темноты и спуститься в деревню. (Ждать придётся недолго: темнеет в Малых Татрах очень быстро.) То ли забраться куда-нибудь в расщелину скалы да хоть раз за целое лето выспаться по-настоящему. А уж утром попытать счастья...

Высокий, худой, с суровым, обветренным лицом, он неподвижно стоял на голой скале, и ветер свободно хлестал у него за спиной пёструю, во многих местах простреленную плащпалатку. Правой рукой он держался за ремень старой не-

мецкой винтовки, а левой пощипывал на подбородке мягкий, всего лишь несколько раз бритый, пушок. На лбу его чернели две не по годам глубокие морщины. А на левой щеке, от носа до скулы, нервно подёргивался широкий красный рубец — след совсем ещё недавнего ранения. Задумчиво смотрел он вниз, в глубокое лесистое ущелье, на дне которого дремали беспорядочно разбросанные деревянные домики небольшой словацкой деревни...

Два месяца назад Григорий Кравцов бежал из Бухенвальда.

Родом он из Великого Устюга. И если б думал только о доме, то, вырвавшись из лагеря смерти, избрал бы совсем другой путь — более безопасный и прямой — через Польшу. Но сразу же из Веймарского леса, близ которого находился концентрационный лагерь, юноша направился на Малые Татры, потому что поклялся погибшему при побеге коммунисту-словаку зайти в его родную деревню и передать тайну, раскрытую в Бухенвальде.

В АВГУСТЕ 1944 года в Словакии вспыхнуло все-народное антифашистское восстание. В этом движении активное участие принимали не только сами чехи и словаки, но и все, кто ненавидел фашизм.

В партизанских отрядах сражались русские и поляки, французы и мадьяры, итальянцы и финны.

На аэродром Тридубы, близ политического центра восстания — города Банска-Бистрица, днём и ночью садились самолёты с пополнением для партизанских отрядов. Среди украинских партизан-десантников, спешивших на помощь восставшим, прилетел в Словакию и Андрей Максимович Дугинец.

А. М. Дугинец родился в Казахстане в 1919 году. Окончив школу в городе Фрунзе, он с 16 лет начал учительствовать, сначала в вечерних школах для взрослых, потом в семилетке. Со второго курса учительского института Андрей Максимович ушёл на фронт. Всю войну был партизаном. Сперва в соединении Фёдорова-Ровенского, потом в Словакии.

Писать начал с семнадцати лет. Но по-серьёзному литературным творчеством Дугинец занялся только после войны, когда стал работать в газетах.

Будучи литературным сотрудником областной газеты «Тянь-Шаньская правда» (Киргизия), Андрей Максимович собрал интересный материал для книги и написал повесть «Золотая чаша Байтемира».

Повесть «Валашка Яношика», которую мы начинаем публиковать в этом номере «Искорки», является первой частью книги о борьбе славянских народов с фашизмом.

Горами и лесами пробирался он, не зная покоя ни днём, ни ночью. Шёл пешком. Ехал и поездом, и на автомашине, и на повозке. Скакал верхом на огромном немецком коне. Переплыл несколько рек. Под Бреславлем убил мотоциклиста эсэсовца и без дороги, по полям, мчался на мотоцикле целую ночь... Он делал всё возможное, чтобы скорее достичь заветной цели...

И вот она, Туречка — совсем, совсем маленькая, захудалая деревушка. Остаётся спуститься с гор, найти Яна Ковача и передать ему тайну Вацлава Гудбы. Всего лишь несколько слов. А от них зависит судьба целой подпольной организации.

Найти в деревне человека, если знаешь фамилию, совсем не трудно. Зайди в первый попавшийся дом и спроси. Но о Яне Коваче спрашивать нельзя. К нему надо подойти так, чтобы никто не заметил. Вот если б увидеть кого-нибудь в горах да поговорить один на один... Толь-

ко кто ж пойдёт в горы на ночь глядя? Кому охота попасть на заметку гардистам? *

«Утро вечера мудренее», — решил наконец Гриша и пошёл вверх по карнизу скалы искать ночлег.

* * *

Орлята попискивали голодно и тоскливо. Они то усаживались в гнезде и начинали дремать, время от времени вытягивая тонкие серые шейки и напряжённо прислушиваясь. То выбирались из гнезда и неуклюже топтались по широкому карнизу утёса, заваленному кучами пожелтевших, давно обглоданных костей. Передвигались они смешно и беспомощно, точь-в-точь как мальчишки-бутузы, пробующие первые шаги. Сходство с мальчуганами особенно подчёркивалось оперением ног: орлята казались одетыми в короткие, аккуратно подогнанные белые штанишки.

* Гардисты — словацкие фашисты.

Оба они, конечно, от одной матери, но мало похожи один на другого. Бóльший выглядит чистеньким, гладеньким, будто кто-то его прилизал. Ходит он не спеша, тяжело переваливаясь с боку на бок. А меньший — худой, взъерошенный забияка с пробитой головой и расцарапанной лапкой — везде старается быть первым. В гнездо он забирался первым, обратно выкатился первым и теперь вот опять первым приковылял на край утёса. Вытянув шею, он долго прислушивался. Но нигде не услышал долгожданного клёкота родителей.

Улетели в полдень, когда солнце зорко стерегло гнездо. Но вот уже солнце не греет и почти не светит, а орла и орлицы всё нет. Никогда они так подолгу не охотились. Уж не случилось ли чего?

В отчаянье орлёнок с жадностью набросился на кучу свежих, ещё не пожелтевших костей курицы и зайца. Однако ничего съедобного не нашёл и с досады клюнул в затылок дремлющего в гнезде брата. Тот в ответ долбанул его в шею. Началась драка...

Но вдруг, как по команде, орлята умолкли, вытянули шейки. Потом так же дружно и радостно запищали: родители возвращались с охоты. Мать летела впереди. Отец за нею. В цепких лапах он нёс большого белого ягнёнка.

Маленькие хищники уже собрались драться между собой за лучший кусок, как раздался выстрел, и орёл вместе со своей добычей упал к ногам человека, стоявшего на карнизе утёса, в ста метрах от гнезда.

Лишь теперь заметили орлята страшное соседство. Пугливо прижались друг к другу и точно окаменели...

Однако отсиживаться не пришлось, орлица пролетела над гнездом и тревожным клёкотом приказала птенцам подняться в небо.

Опережая один другого, белоногие малыши поспешно приковыляли к краю карниза и почти разом бросились со скалы.

Сначала они, казалось, просто па-

дали вниз по наклонной. Но потом взмыли. В один миг поднялись над утёсом противоположного берега и начали быстро набирать высоту.

Беспомощные и смешные на земле, орлята оказались гордыми и могучими в небе. Широко распластав крылья, они стремительно и размахисто выписывали огромные восходящие круги. Всё выше, всё дальше от родного гнезда...

«Черти! Как летают!» — с завистью глядя вслед выводку, подумал Кравцов.

Тяжело вздохнув, он повесил за спину винтовку, столкнул в пропасть убитого орла и сел на большой угластый камень возле пещеры. Из-за голенища рыжего стоптанного сапога вынул нож и начал свежевать ягнёнка.

Прищулив правый глаз, он тихо, сквозь зубы, насвистывал мотив пушкинского «Узника». И в то же время настороженно ко всему прислушивался.

Над скалой, где-то на самом дне пропасти, среди вечного холода и мрака шумела, бесновалась, стиснутая каменными стенами, бурная стремительная речка.

На другой стороне ущелья чернел островерхий гранитный утёс, похожий на изваяние спящего орла. На голой макушке его горела, охваченная пламенем заката, старая горбатая сосна. Два покарёженных чёрных ствола её, как верёвка, свились в один: так было легче бороться с ветрами, налетающими со всех сторон света. И всё равно, как ни билась, как ни отмахивалась, не устояла одинокая сосна: сгорбилась, почернела и, теряя последние силы, поскрипывала жалобно и тревожно.

Когда между камнем и пещерой запыхал костёр из сухого букового хвороста, Гриша ещё раз с тоской посмотрел в сторону улетевших орлят, изгнанных им из родного гнезда.

«А! Не пропадут! — махнул он рукой, пытаюсь подавить в себе жалость. — Я ж не пропал...»

Разложив кусочки мяса на небольшом плоском камне, раскалённом в костре, он достал из кармана

чёрных засаленных штанов узелок с солью. Не спеша, почти благоговейно, развязал узелок и положил перед собою.

Чуть поджаренный снизу и прихваченный сверху пламенем сочный кусок мяса он макал в соль, бросал в рот и гонял языком с одной стороны на другую, пока не остынет. Выхвачен-

телось узнать, кто и когда его собрал, почему не сжѣг?

По недавно сломанным буковым веткам нетрудно было догадаться, что сушняк собран дня три назад после большого дождя, прошедшего над Низкими Татрами. Значит, приди раньше, он нашѣл бы здесь друзей, может, таких же беглецов, как и сам. Взяв из костра ярко горящее поленце, он посветил. На ржавой каменной стене пещеры латинскими буквами были написаны словацкие имена: Цирил, Ёжо. А выше, как заглавие, стояло жирно выведенное:

ное прямо из огня мясо скворчало во рту, обжигало. Но именно от этого и казалось необычайно вкусным, ароматным.

Где-то далеко послышался тяжѣлый, вибрирующий гул. Потом в лучах заходящего солнца показались три самолѣта. Они шли по прямой, с запада на восток. Увидев на крыльях чёрные лапы свастики, Кравцов перестал есть. Глазами, полными голодной ненависти, проводил фашистские самолѣты до самого горизонта и долго ещё смотрел в тот край, куда они понесли смерть и разруху...

Напившись воды из зелѣной немецкой баклажки, он подложил в костѣр сухого хвороста и, как бы отряхнувшись от тяжѣлых дум, решительно встал и вошѣл в пещеру.

Теперь, когда не голоден, нужно внимательно осмотреть выбранное для ночѣвки место. До ужина куча не известно кем припасѣнного хвороста только радовала. А сейчас хо-

Яношик. Под каждым именем было по маленькому коричневому крестику. Чем они написаны? На краску не похоже. А глины такой здесь нет...

Кроме надписей, в пещере ничего интересного не оказалось. Попробовал отвалить камень в тёмном углу, но круглый серый камень оказался так плотно вогнанным в расщелину, что без лома или крепкой палки ничего не сделаешь.

Так ни с чем и вышел из пещеры. Возле угасающего костра разостлал плащпалатку, положил под голову пушистую заячью шапку, пощупал во внутреннем кармане маленький пистолет и лёг, прижав к груди холодную сталь винтовки.

Хорошее, надёжное место попало ему сегодня для ночлега. Здесь не придётся вскакивать и бежать среди ночи, как не раз случалось в течение двух месяцев скитаний по чужим горам и лесам.

Но только смежил очи, перед ним встало видение, которое беспокоит его каждую ночь с тех пор, как ждал из Бухенвальда. словно живой, появился перед его глазами замученный, окровавленный Вацлав Гудба.

...Из-за высокой каменной ограды концентрационного лагеря предательски выглядывает луна. Она освещает лысую голову и скуластую щеку старого коммуниста-словака. С головы, раненной разрывной пулей, тяжёлой чёрной струёй тянется кровь по лицу, по шее, по серой тюремной рубашке. Выбитый левый глаз тяжёлым чёрным яблоком висит на бледной щеке. Гудба упирается в землю руками, пытаясь подняться. Но простреленные ноги лежат позади него, как чужие. Вот он уже освещён луной до пояса. Он весь дрожит и ещё держится на руках. Но не стонет. Не жалуется. И кажется, даже не обращает внимания на свои смертельные раны.

Григорий изо всех сил пытается поднять раненого, но не может. Режим Бухенвальда вымотал из него все силы. Он стоит на одном колене и то и знай посматривает в сторону ворот лагеря: нет ли погони. А Вац-

лав Гудба единственным, лихорадочно горящим правым глазом остро, неотразимо смотрит в глаза и, старательно выговаривая русские слова, твердит:

— Гришькоо... Гришькоо... Товарищ Крафцов. Ты хотел скорее до Русска, бить фашистов. Иди в Словакию. Иди. Сделай то, что я просим. То важнее, чем убить сто фашистов. Гришькоо... — в дрожащем, прерывающемся голосе, раненого уже не просьба, а стон, отчаянный вопль человека, не успевшего сделать то, ради чего он жил на земле. — Гришькоо. Не забудь адрес. Повтори. Повтори.

— Туречка, в десяти километрах от города Банска-Бистрица. Найти Яна Ковача, — горячо, скороговоркой шепчет Гриша, — передать ему: Берегитесь Цотака. По заданию гардистов он ищет валашку Яношика.

— Гришькоо, — старик шепчет так тихо, что приходится подставить ухо к самым губам, — валашка Яношика — не глупство. Это типография. Подпольная типография коммунистов.

— Подпольная типография? — переспросил Гриша, и мороз пробежал по его спине. Стиснув зубы, он хотел поклясться старику, что просьбу его выполнит чего бы это ни стоило. Но от волнения не мог произнести ни слова.

— Ооо! Гришькоо! Я не подумал, — бессильно опустив голову, хрипит Гудба. — Яна могут посадить... Его могут...

Раздаются свистки гестаповцев, обнаруживших побег, гулкий топот кованых сапог, быстро нарастающий лай собак.

— Если Ковача нету, — из последних сил шепчет умирающий, — найди...

Но то ли Гудба затрудняется в выборе надёжного человека, то ли кровь заливает ему горло, Гриша никак не может понять фамилию второго человека, которому можно доверить важную тайну: Благовер, Долговер или Многовер...

Свора собак и гестаповцев уже

рядом. Вацлав Гудба падает, взмахнув рукой: беги.

Гриша пожал уже безжизненную руку старика и бросился в речку.

В воде холодно и темно. Луна скрылась. Где-то далеко позади на все голоса лают и поскуливают, вероятно, очень большие и лютые овчарки, оголтело свистят гестаповцы и тяжело, как копыта породистых немецких лошадей, ухают по гулкому берегу большие кованые сапоги.

Мало-помалу все звуки стихают. Вода становится теплее, приятнее... Гриша плывёт на спине, отдыхает, блаженствует... И кажется ему, что он не в Эльбе, а в родной Сухоне, самой светлой и тихой реке Севера, и что нет никакой войны. А кругом тишина и покой...

...В костре догорел последний уголёк. Перед тем как совсем погаснуть, он вспыхнул небесно-синим огоньком, покраснел ярче обычного, в последний раз освещая пещеру и свернувшегося возле тёплого камня беглеца, потом изогнулся тоненькой оранжевой змейкой, почернел и угас.

* * *

У человека, вынужденного долгое время скрываться, вырабатывается особое чутьё, которое подсказывает ему приближение опасности.

Идёт он густыми лесами, глубокими ущельями, выбирает безлюдные тропы да теневые стороны. Часто случается, что забудется, размечтается, начнёт напевать или насвистывать. И вдруг ни с того, ни с сего остановится, застынет. Весь превратится в слух и внимание.

А кругом ни звука, ни шороха. Ничего подозрительного. Только собственное сердце стучит усиленно и чётко, будто твердит: не верь, не верь, не верь...

И уж лучше не верь обманчивой тишине. Вслушайся, всмотришься.

Гриша проснулся, держа винтовку наизготовке. Он ещё ничего не слышал, не видел, но был уверен, что кто-то приближается к пещере.

Кто? Горный олень? Дикие козы? Орлица вернулась отомстить?

Ничего не видно. А на сердце давит, гнетёт.

Такое ощущение бывает перед грозой. Проснёшься и чувствуешь: надвигается на тебя что-то тяжёлое, чёрное, душное. Посмотришь — грозная туча. А через минуту она разразится громом и молнией.

Но сейчас на небе, густо усыпанном звёздами, — ни облачка. Ущелье доверху заполнено тёмно-лиловым туманом и напоминает полноводную спокойную реку. На противополож-

ном берегу этой фантастически дымящейся реки, из-за голой скалы с одинокой горбатой сосной, осторожно, как пленник из-за ограды концлагеря, вылезает большая окровавленная луна.

Послышался далёкий шорох камешков под чьими-то ногами.

«Гардисты! — мелькнула догадка. — Не хватало попасться у самой цели».

Гриша комкает плащ. Сметает в пропасть пепел от костра. Туда же бросает обглоданные ягнячьи кости. Остатками хвороста прикрывает пепелище. И лишь убедившись, что следы ночёвки скрыты, уходит по карнизу утёса к гнездовью орлов. Ни на миг не спускает он взгляда с тропинки, ведущей к пещере. Луна уже оторвалась от скалы, поднялась над сосной и стала бледной, почти прозрачной. В её свете плоские камешки на тропе блестят старым, потускневшим серебром, будто бы кто-то нёс из пещеры клад, да так спешил, что половину растерял.

Теперь луна казалась Грише хорошим другом, который изо всех сил старается помочь в беде.

Укрывшись за каменной глыбой возле орлиного гнезда, Гриша стал ждать. До пещеры было не больше пяти метров. Но здесь его не возьмёшь. А он каждого, кто появится на тропинке, сможет взять на прицел и не допустить даже до пещеры. Одно плохо: уж очень несёт падалю в этом гнездовье среди кучи тлеющих костей. Гордая птица орёл, а такая нечистоплотная.

«Черти, сколько ягнят уничтожили! — раздвигая ногами кучу костей, подумал Гриша. — А я жалел их...»

Сухое шуршание камешков приблизилось, стало совсем рядом. Раздался тихий, осторожный посвист: кто-то кого-то звал.

И вот на серебристой тропинке появился мальчик лет четырнадцати, одетый в белые, туго обтягивающие ноги сукожные штаны, в полотняную белую рубашку. На лохматой голове — белая шляпка, похожая на берет. Оглянувшись, он сер-

дито кому-то машет и вполголоса ворчит.

— Чего ещё там? Ёжко, скорей!

— Сам скачешь, как козёл, потому что дорогу знаешь, — слышится в ответ, — а Тоно первый раз.

Говорили они по-словацки. Но Гриша хорошо их понимал. Он привык к этому языку ещё в Бухенвальде, когда попал в группу чехословацких коммунистов.

Ёжко тоже вышел на серебряную тропинку. Ростом он ниже товарища, но полнее, и, пожалуй, сильнее. Острижен наголо. На нём заплатанный, засаленный чёрный пиджак с плеча взрослого человека и такие же старые, не по росту, штаны, засученные до колен. И руки у него чёрные, грубые и не по росту большие.

Мальчики стояли рядом. Луна бросала от них тень к орлиному гнезду.

— Цирил, может, вернуться к нему? — спросил Ёжо.

— Никуда не денется. Тропинка тут одна. Пока разведём костёр, придёт.

— А вдруг испугается, что дома его хватятся, да вернётся назад?

— Один побоится возвращаться. Успокоенный этим доводом, Ёжо спустился следом за другом к пещере.

Вспыхнул костёр. В пещере стало светло, луна отошла куда-то далеко в сторону. Она всегда убегает от костра.

Появился третий мальчик, полный, белолицый, одетый по-городскому. На нём тёмно-серый костюм. Обут в чёрные ботинки. На голове чёрный берет.

Цирил достал откуда-то лом и легко отвалил камень, который вечером Гриша безуспешно пытался выкатить из щели.

За камнем открылся лаз в пещеру. Цирил вполз туда и подал наверх три кирпичи, лопату с коротким черенком и ломик, расщеплённый на конце, как козье копынце. Пока Цирил с горячей свечой в руке вылезал из ямы, Ёжо выбрал себе кирку поудобней.

Подросток, пришедший послед-

ним, стоял в стороне и на все приготовления смотрел широко раскрытыми глазами. Ясно было, он здесь впервые.

— Держи, Тоно, — подавая ему оплывающую свечу, сказал Цирил. — Да подойди ближе. Вот здесь, внизу, копотью свечки выводи своё имя.

Новичок молча и сосредоточенно начал водить горячей свечой по стенке пещеры. И вскоре к тайному списку прибавилось и его имя: Тоно.

Когда с этим делом было покончено, Цирил взял свечу, погасил и, повернув её другой стороной, выковырнул из стеарина иголку.

— Руку! — сурово насупив чёрные брови, сказал он новичку.

Тот, не давая руки и смущённо оглядываясь, спросил:

— Может... может, она... и не здесь?

— Что-о?

— Ну вала́шка Яноши́ка...

«Вала́шка Яноши́ка? — насторожился Гриша. — Неужели та самая, про которую говорил Гудба? Может, Цотак подкупил этих ребят, чтоб тоже искали? Для подпольной типографии здесь место подходящее... Только нет. Уж очень у них всё по-детски. Скорее всего это какая-то игра или поиски старинного оружия...»

Гриша уже знал, что вала́шка в прямом смысле этого слова — топорик с длинным, как тросточка, черенком. В старые времена вала́шка была грозным оружием словаков, особенно в руках легендарного Яноши́ка. И едва ли найдётся хоть один честный словак, который в детстве не пытался отыскать волшебное оружие народного заступника!

Слышал Гриша, что живёт в народе поверье, будто вала́шка бесстрашного Яноши́ка хранится где-то в горах, в расщелине скалы или в пещере. Впрочем, один лесник, с которым Гриша встретился недалеко от Туречки, уверял, что Яноши́к спрятал свою вала́шку не в скале, а в лесу.

«Он с размаху вогнал её в ствол старого дуба, так что весь топорик скрылся в древесине и только рукоятка осталась торчать, — говорил

лесник. — А чтобы никто недостойный её не нашёл, рукоятка зазеленела, расцвела, как и другие ветки дуба...»

Однако лесник уверял, что волшебная вала́шка сама откроется тому, кто решится, так же, как и Яноши́к, смело, не жалея собственной жизни, сражаться за народ. На недоуменный вопрос Гриши, как же это произойдёт, лесник уверенно ответил, что черенок вала́шки, как стрелка компаса, сам повернётся к достойному.

— Может, она совсем не в этой пещере, — высказал своё сомнение Тоно. — Ведь Яноши́к любил голи,* а это обыкновенная скала.

— Голи яноши́ковцы любили, когда все были на свободе, да поставили целый полк стражи — хлопцам стало не до прогулок на голях, они прятались по пещерам да под водопадами.

— А чего тут уговаривать! — махнул Ёжо. — Не хочет, пусть катится, только если проболтается...

— Сразу «катится», — обиделся Тоно. — Я просто к тому, что никто же не знает по-настоящему где она спрятана.

— Вот и хорошо, что не знают, — сказал Цирил, — знали б где, так давно б какие-нибудь жулики нашли...

— Но почему вы ищите её тут, а не в другом месте? — продолжал Тоно.

— Да ты посмотри хорошенько. Посмотри, — уже горячился Цирил. — Видел сосны да буки на самой середине тропинки? По сколько им лет?

— Есть такие, что по пятьсот будет, — заметил Ёжо.

— Значит, тропинка появилась давным-давно. Так?

— Так, — как эхо отозвался Тоно.

— А кто мог её так глубоко протоптать в каменной горе? Я тебя спрашиваю: кто?

* Голи — характерные для Низких Татр лысые округлые вершины гор, обычно поросшие мелкой травой, лакомым кормом овец. По преданию, Яноши́к после сражений с феодалами любил отдыхать на голях, любоваться окрестными лесами и долинами.

— Яношик, — глядя на глубокую тропинку, сказал Тоно, — только у него да у Суровца была такая походка.

— То-то же, — обрадовался Цирил.

Гриша лукаво улыбнулся: никто не протапывал этой тропинки. И совсем это не тропинка, а ручеёк, вымытый весенними водами да дождями.

— А этот камень? — Цирил подскочил к камню, на котором вечером сидел Гриша, — камень этот ничего тебе не говорит? Совсем ничего. Эх, ты! Сам Яношик сидел на нём, как на кресле, и судил мадьярских князей да всяких богачей-мучителей. А в эту пропасть бросал их одного за другим, как дохлых котят. Посмотри вниз, посмотри!

— Правда, — кивнул Тоно, однако в пропасть смотреть не стал.

Цирил сбегал в угол пещеры и вынес пару огромных чёрных лап-

тей, выгнутых из целых кусков толстой сыромятины.

— А на это что ты скажешь? — спросил Цирил, торжественно поднося лапти к самому носу маловера. — С чьей ноги эти поршни?

— Эти поршни, может... может... даже самого Яношика, — ответил Тоно и решительно подставил указательный палец правой руки. — На, коли!

— Не эту, — оттолкнул Цирил, — левую. От сердца.

— Цирил, а ещё скажи... только одно слово... — протягивая левую руку, сказал Тоно. — Когда найдём валашку, тогда что?

— Пойдём к ружомбергским партизанам.

— Коли. Хоть сто раз коли!

Ёжо подбросил хвороста. Костёр вспыхнул ярче, торжественнее.

Цирил поплевал на палец новичка, старательно вытер его рукавом рубашки и наколот иголкой. Пламя костра слегка колебалось, и длин-

ные тени мальчиков, как маятники часов, качались по стенке пещеры. Кровью, выступившей из пальца, Тоно начертил крест под своим именем.

Гриша улыбнулся, вспомнив, что и он когда-то так же вот клялся в вечной дружбе с Виткой Чинарёвым, когда закончил семилетку и собирался поступать в морское училище. Теперь он как-то невольно почувствовал доверие к ребятам.

Закончив таинство клятвы, мальчишки взялись за кирки и принялись долбить стену пещеры, расширяя вход.

Гуу-ух! — раздался далеко в горах глухой, тяжёлый взрыв.

Ребята бросили работу, замерли.

— В Ружомберге, — настороженно поднимая указательный палец, сказал Цирил.

— Партизаны, — со священным трепетом в голосе прошептал Ёжо. — Мост взорвали.

— Склад боеприпасов, — уточнил Цирил.

И вдруг как бы в подтверждение этих слов на северо-востоке вспыхнуло зарево. Вспыхнуло ярко, потом немного осело, разливаясь, потемнело и снова брызнуло высокими кровавыми фонтанами.

«Наверное, поезд с бензином полетел под откос. Цистерны рвутся и вспыхивают», — решил Гриша и уже вышел из своей засады, намереваясь заговорить с ребятами, как вдруг где-то внизу послышался топот. Понять, кто идёт, было невозможно: в горах маленький шорох иногда кажется гулом, а топот коня едва слышен.

— Цирил, — прошептал Тоно, — сюда бегут.

— Глупости. Кто может знать, что мы тут?

— Да ты прислушайся.

Внимательнее всех прислушивался Гриша: появление нового человека слышалось все его планы.

За скалой раздался звонкий девичий голос:

— *Гай, горэ гай. Долэ гай!*

Гаем, долэм ходник.

Мой отец был добри,

Я мусим быть збойник.

— Девушка? Ночью в горах? Да ещё с разбойничьей песней? — удивился Гриша...

На чёрной скале, как взмах крыла вспугнутой птицы, мелькнуло белое платье. Через мгновение оно порхнуло уже в другом месте. Девушка не придерживалась тропинки. Легко и привычно прыгала с камня на камень, ловко размахивала маленькой чёрной валашкой, похожей на обыкновенную деревянную тросточку, и пела. Роста она невысокого, но плотная, крепко сбитая. По виду ей не больше шестнадцати лет.

— Ёжо, — насторожился Цирил, — твоя сестра.

— Сам вижу.

— Она ж у коменданта работает?

— Ну так что, выдаст? — с обидой спросил Ёжо. — Она прислугой, а не полицейским.

— Да я ничего, — виновато замялся Цирил. — Только почему среди ночи распелась?

— Страх отгоняет. Она всегда так. Эй, разбойник в юбке! — окликнул Ёжо сестру. — Куда ты?

— Ёжко! Ёжко! В Медзиброде партизаны, — быстро заговорила девушка, подбегая к костру. — Выпустили всех арестованных. Убили коменданта. Наш уехал на похороны. А я сразу домой. Хотела постирать тебе. Да по дороге узнала, что...

— Ну, застрочил пулемёт! — Ёжо махнул рукой. — Узнала то, узнала это. Больше твоего знаем, да не хвастаем. Уходи!

— Как тебе не стыдно! Я старше тебя. И потом... Не для себя старалась, бежала в такую даль... — Она умолкла, отвернулась.

Зато Гриша теперь хорошо видел её лицо, освещённое пламенем костра. Большими, грустными глазами напряжённо смотрела она в темноту ночи, будто что-то искала. Лево́й рукой держала под мышкой валашку, а указательным пальцем правой то накручивала, то раскручивала светлые, лёгкие локоны. Не то от костра, не то от быстрой ходьбы, полные щеки её горели свежим жизнерадостным румянцем. Гриша не

вольно вспомнил бледные, глубоко запавшие щёки бывшей его одноклассницы Гали Лесовской, прожившей около двух лет в немецких концлагерях. Ему стало и завидно и радостно. Завидно, что он уже никогда больше не будет таким жизнерадостным и беспечным. И радостно за чужую, ещё не надломленную юность.

Цирил степенно, как и подобает жожаку, подошёл к непрошеной гостье и сухим, официальным тоном спросил, как она сюда попала.

Девушка отвернулась и от него. Повернулась она всем корпусом и так быстро, что белое ситцевое платье распустилось веером, оголив крепкие полные колени.

— Божка, сейчас же уходи! — воинственно наступал на неё Ёжо. — И если проболтаешься...

— Проболтаешься, проболтаешься... — передразнила Божена. — Сами так совещались на своём чердаке, что и глухой услышал бы... Давно знаю, что бегаєте в эту пещеру, валашку Яношика ищите, чтоб перебить всех гардистов, а самого Тиссо повесить на той берёзе, что растёт на Крижне. Давно всё знаю. А вот же не выболтала...

Ошарашенные такой осведомлённостью ребята молчали и виновато переглядывались.

— Чудаки! Ищут валашку Яношика, а она уже давным-давно у партизан.

— Много ты знаешь! — огрызнулся Ёжо.

Но друзья его насторожились.

— А вот знаю, всё знаю! — почти кричала девушка. — От самого коменданта слышала. Чуть что случится, в местечке или где-нибудь листовки появятся, он сразу кричит: — Опять эта валашка Яношика! Опять эта проклятая валашка!

— Чудачка! — Цирил высокомерно отвернулся. — Это он совсем о другой валашке.

— О какой другой?

— Не бабье дело.

Гриша невольно подался вперёд, чтоб не пропустить ни слова.

Божена немного помолчала и так тревожно, что сразу все насторожились, сказала:

— Цирил, иди домой...

— Что случилось? — не глядя на неё, спросил Цирил.

— Твой отец... Твоего отца...

— Что с ним? Где отец? Посадили?

— Ранен. И обжёгся.

— Чего молчала? — набросился Ёжо. — Начала от самого потопа.

— Чоб не испугать. Дядя Януш сам об этом просил. Да он выздоравливает. Бабушка Мирослава уже лечит его.

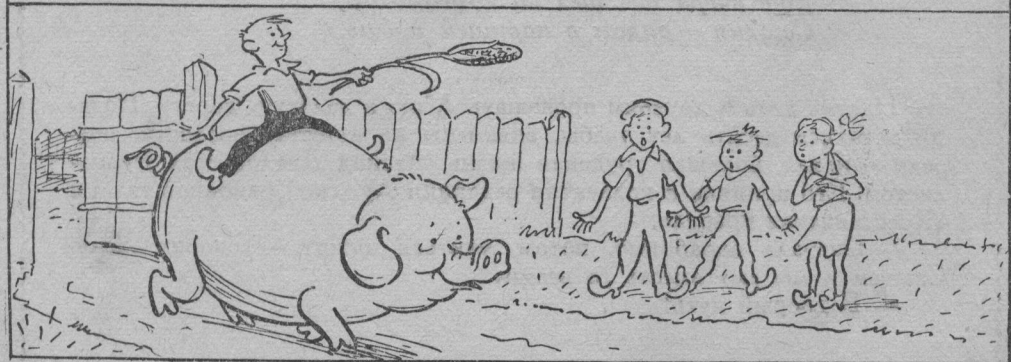
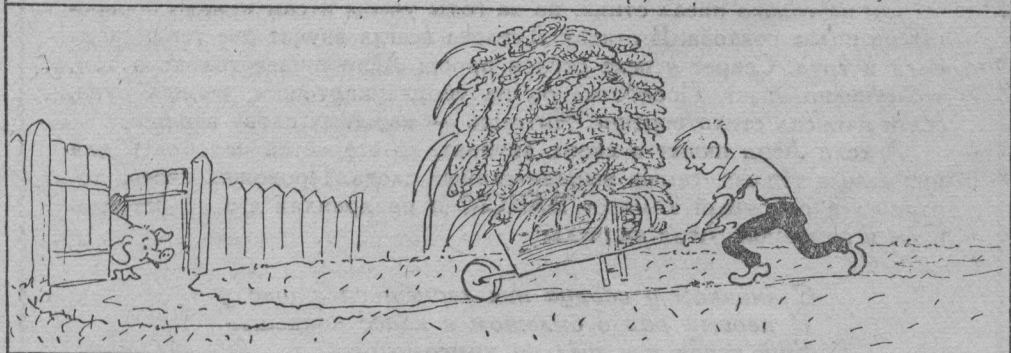
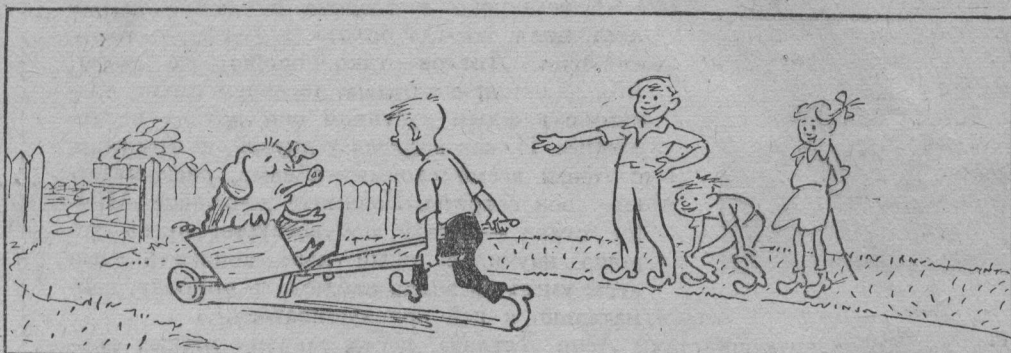
Побросав инструменты в яму и завалив её камнем, ребята убежали из пещеры. Божена, следуя за ними, рассказывала, что в Ружомберге сгорела фабрика, что немцы стреляли в рабочих и что ранен не один только отец Цирила...

Тропинка нырнула вниз, голос Божены растаял. А потом и топот затих. Гриша не задумываясь бросился вслед за ребятами.

(Продолжение следует)

Ай да КУКУРУЗА!

(Рассказ в рисунках К. Бекташева)

В добрый путь!

ШИЛЬЦЕВСКАЯ средняя школа стоит немножко в стороне от села. Кругом леса, поля, кое-где болота.

Лёня Дятлов так хорошо их знает, что, кажется, с каждым деревцем лично знаком, с каждым кустиком они друзья неразлучные. И, как водится у друзей, делятся они с Лёней всеми своими тайнами, раскрывают ему свои секреты. Возьмите почитайте Лёнины стихи — сразу почувствуете: очень хорошо научился юный поэт понимать язык леса, умеет он зорко наблюдать природу, внимательно к ней прислушиваться.

Когда читаешь стихи Лёни Дятлова, перед глазами встают картины родного края: шумят под ветрами леса, журчат реки, колышется на полях золотая рожь. Писать так, чтобы стихи «виделись», — нужно умение. Пришло оно к Лёне не сразу.

Стихи он писать начал даже совсем на другие темы. Четвероклассники выпускали стенную газету. Ярко раскрасили заголовок, собрали заметки, нарисовали смешные карикатуры. Только стихов не хватало в газете. Вот тогда-то и написал Лёня своё первое весёлое сатирическое стихотворение про школьного лентяя.

С тех пор прошло семь лет. Стихи юного поэта из далёкой сельской школы Лужского района вы уже, наверное, читали и в «Ленинских искрах» и в нашей «Искорке». Школьник Леонид Дятлов стал сельским корреспондентом районной газеты «Крестьянская правда».

Он не только писал стихи, но за годы учёбы и сам немало поработал на полях совхоза. В стихах Дятлова всегда звучат две темы: природа и труд. Секрет успеха стихов прост: Лёня пишет только о том, что хорошо знает. Поработал он на уборке картошки, вымыл руки, сел и написал стихотворение. Читаешь — каждому слову веришь.

А если Лёня пишет о своих друзьях, то старается подобрать для них самые тёплые, самые выразительные слова. Провожая своего товарища в районный комитет ВЛКСМ и поздравляя его со вступлением в комсомол, Лёня написал:

*С значком у сердца ты вернёшься в школу
И первый раз с билетом в класс войдёшь.
Ещё вчера ты шёл за комсомолом,
Сегодня — рядом с партией идёшь.*

Настал день и друзьям провожать Лёню в далёкую дорогу. Позади остались десять лет учёбы, экзамены на аттестат зрелости, впереди — новая, большая трудовая жизнь. Леонид Дятлов стал журналистом. Его приняли в коллектив редакции Лужской районной газеты «Крестьянская правда».

— Сначала поработаю, потом учиться пойду, — говорит Лёня. Скажем и мы ему вместе со всеми:

— В добрый путь!

Новый клуб

Пригретый вешним солнцем бор
Шумит своей хвоею.
А в нём весёлый разговор
Ведут топор с пилою.

Как майский праздник весела,
Кипит в бору работа.
Блестит янтарная смола —
На брёвнах капли пота.

Стропила поднял новый сруб,
Повсюду стружек кольца.
Здесь, за деревней, строит клуб
Бригада комсомольцев...

Зимний вечер

Я люблю от села в стороне
Встретить вечер
с багряным закатом,
Прокатиться на лыжах по скатам,
Пробежать по безвестной лыжне.

Благодарен я русской зиме,
Рад её молодому задору.
Все объездив лощины и горы,
Отдыхая, стою на холме.

Здесь вчера бушевала метель,
Тонут рощи в волшебном наряде.
Принакрыла зелёные пряди
Дорогою косынкою ель.

Пням пушистые шапочки роздал
Добродушный Мороз-старичок.
В небе месяца лопнул стручок
И горохом рассыпались звёзды.

Рис. В. Адаева

Тропинка

Вьётся, вьётся тропка полевая
Через жито, клевер и покос.
Я иду, ботинками сбивая
С придорожных трав

крупинки рос.

Летний вечер дедом бородатым
Опустился наземь отдохнуть.
А тропинка всё бежит куда-то...
Будет ли конец ей где-нибудь?
То мелькнёт вдали за перелогом,
То ныряет в золотую рожь.
Верю: на широкую дорогу
Ты меня, тропинка, приведёшь.

Родная сторона

Кусты непроходимые,
Малинника стена.
Люблю тебя, родимая
Лесная сторона.

Порою листопадною
Я, твой нередкий гость,
Всегда найду прохладную
Брусники спелой горсть.

И гроздьё горько-сладкою
Рябина угостит...

И ветерок украдкою
В траве зашелестит.

Люблю боры зелёные,
Ракитник над водой
И косы расплетённые
Берёзки молодой.

Где команда
противника?

(Загадочная картинка
А. Илючека)

В тайге

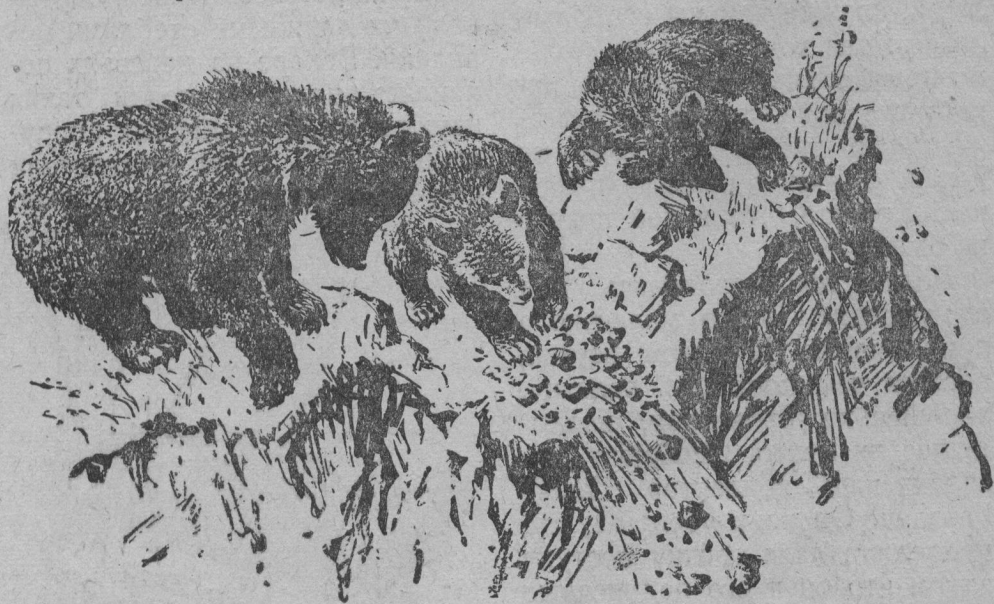
(Из записок натуралиста)

КАМЕННЫЙ ДОЖДЬ

ОДНАЖДЫ поставили мы свою палатку под скалой, потому что это было единственно удобное место. Скала была высокая. С одной стороны она отвесно обрывалась, как стена, с другой — зубчатым гребнем примыкала к пологому склону, на котором росли кедры, пихты, осины. Вершина скалы представляла собой ровную площадку, и

ся? Сейчас же перестаньте!» Но в ответ на нас посыпалась новая порция камней.

Мы выскочили из палатки. Высоко над нами, на самом краю скалистого уступа, суетились три зверька. Это были медвежата: один большой, а два — поменьше. Спрятавшись за деревьями, мы увидели, как они проворно сгребали лапами каменную мелочь и толкали её вниз. Угловатые обломки, величиной с

только по краям её кое-где выступили рыжие выступы.

Рано утром, когда мы ещё лежали в спальных мешках, на палатку неожиданно обрушился каменный дождь. В некоторых местах появились пробоины.

Возмущённый начальник партии закричал: «Кто там балует-

добрый кулак, шумно ударялись о крылья палатки и подпрыгивали, точно резиновые, на туго натянутой парусине, а довольные медвежата свешивали вниз лохматые мордочки и восхищённо урчали.

Неожиданно на скале появилась чернубуря, слегка седая

медведица. Она лениво растянулась на площадке, потом вскочила, подбежала к обрыву (видимо, решила посмотреть, чем так увлеклись детишки) и, увидев подозрительный белый предмет — палатку, сердито заворчала.

Медвежата не обратили внимания на её тревожное ворчание и, деловито повизгивая, продолжали скидывать мелкие камешки. Тогда сердитая мамаша подкралась незаметно к взрослому медвежонку-пестуну и звонко влепила ему несколько подзатыльников. После этого шалуны моментально скрылись в тайге, а медведица не торопясь подошла к угловатому выступу скалы, и, прежде чем мы сообразили, что она хочет сделать, большая рыжая глыба с грохотом покатилась вниз, прямо на палатку. Сухо треснули сломанные колья, с шумом рухнула палатка... Хорошо, что в ней никого не было!

Долго мы находились под впечатлением этого маленького приключения. И потом всегда, прежде чем поставить палатку, хорошенько проверяли, подходящее ли место. Особенно старался наш коллектор Сашка Гвоздев. Он всех убеждал, что медведица дала трёпку пестуну за то, что он и его подопечные кидали на палатку слишком мелкие камешки. Надо было скатывать глыбы.

Кто знает, может, он и прав.

ПОГОРЕЛЬЦЫ

В ОТ один из примеров приспособленности птиц к новым, необычным условиям.

В 1941 году фашисты дотла сожгли многие деревни. Люди зимовали кто где: в подвалах, в погребах, в сараях.

Помню, с тревожным чириканьем металась весной по пепелищу воробьи, им негде было вить гнёзда. Испокон веков они устраивались под крышами человеческих жилищ, и вот тебе — одни угли.

«Бедные воробушки, — вздыхали женщины, — и вам досталось от фашистов!»

Но воробьи нашли выход. Разбившись на стайки, они от зари до зари таскали на деревья и складывали в ворошки траву, солому, горелые тряпочки. Чтoб ворошки не рассыпались, опутывали их длинными стеблями повилики. Вскоре на деревьях появились целые колонии таких неуклюжих, развалистых сооружений. Это были заменители сгоревших человеческих жилищ.

В каждом ворошке воробьи сделали по три — четыре пуховых гнезда. Непривычное двойное строительство (сначала ворошков, а потом гнёзд в ворошках) отняло очень много времени. Птенцов они вывели поздно.

А на следующую весну, когда крестьяне поставили мазанки, воробьи снова поселились под соломенными крышами и снова, как всегда, начали вить обыкновенные, без навесов, гнезда.

ЛЮБОПЫТНЫЕ ЗВЕРЬКИ

Я СИДЕЛ под скалой, записывая в дневник геологические наблюдения.

Тускло блестели снежные вершины, окутанные голубой дымкой. Зелёные сумрачные пихты стояли без движения, а золотисто-оранжевые лиственницы казались окаменевшими горящими кострами. Ни звука, ни шороха. Лишь на кедрах изредка вздрагивали фиолетовые шишки, роняя капельки прозрачной смолы. И чудилось мне, что всё живое пропало, и только я, геолог, один скрипел карандашом в безмолвной саянской тайге. Но я ошибался.

Полосатый бурундук, появившись неведомо откуда, висел, притаившись, над моей головой, с удивлением заглядывая в геологический дневник. Я погрозил ему пальцем. Он поднял трубой хвост и, свистнув, шмыгнул под валежник. Немного спустя он появился снова, за ним второй, третий, четвёртый... Простодушные зверьки, не в силах сдерживать любопытства, осторожно крались ко мне. Их привлекала

белая бумага. Я нарочно развернул карту, поднял над головой. Восхищённые зверьки, уставившись на карту, поднялись на задние лапки и застыли, как зачарованные. Я начал водить картой то вправо, то влево; зверьки вслед за картой тоже стали водить мордочками то вправо, то влево. И вдруг, как по команде, они со свистом рассыпались.

В кустах жимолости кто-то завозился, затрещал сушняком. И снова ни звука, ни шороха. Лишь на кедрах изредка вздрагивали фиолетовые шишки, роняя капельки янтарной смолы.

ТАНЦУЮЩИЕ ИГОЛОЧКИ

НЕДАЛЕКО от Игарки, на тихом старичном озере, возле грохотистого ручья, я видел как в розовых лучах заката резво танцевали серебристые иголки-попрыгунчики. Их было такое множество, что, казалось, они волшебным чудом сбежались сюда от всех швей мира. Беззвучно, с еле заметными колечками, они протыкали розовую гладь, взлетали вертикально вверх, падали отвесно и снова взлетали, стремительные, порывистые. Это были крохотные хариусёнки. Со снайперской меткостью они хватали мельчайший, как точки, гнус, и очень редко случалось, чтоб «промазывали». За комарами хариусёнки не прыгали: комары для них были слишком велики, а овод легко мог унести на своих крыльях не менее десятка таких иголок.

Пройдёт время, серебристые иголки сделаются крупными

фиолетовыми хариусами и с молниеносной меткостью начнут ловить насекомых даже в самых бурливых стремнинах.

ХИТРЫЙ ТАЙМЕНЬ

МНОГО мне довелось поймать спиннингом тайменей, с сотню, пожалуй, не меньше. Не раз восхищался я, с какой неустойчивой стремительностью по бурливым порогам и кипучим водопадам гонялась эта могучая рыба за хариусами.

Но такого ленивого тайменя встретил впервые. Был он метра полтора длины, круглые сутки лежал на краю водопада, сунув голову под брызжущий веер. Широкий густокрасный, как кинноварь, хвост высоко торчал из пены, на спину тайменя то и дело падала галька, но он лишь пошевеливал хвостом.

В этом месте к водопаду подходила густозелёная заводь; видно было, как по ней, прижимаясь к обрывистым скалам, сновали стайки мелких сигов и хариусов. Они скакали вверх, пытаясь преодолеть отвесную двухметровую водяную стену, но, сбиваемые, падали. Навстречу им из-под струи раскрывалась широкая перламутровая пасть тайменя, и сбиваемая рыбёшка попадала в неё. Подплывали новые стайки и тоже исчезали в пасти, как в пропасти. Казалось, под струёй лежало ненасытное чудовище.

Все таймени, даже метровые, с опаской отскакивали от него — знать, чудовище было хозяином порога.

Я пытался поймать великана, но блесну уносило течением, и

она проходила за хвостом. Несколько дней я охотился за тем тайменем, ожидая, когда он покинет свою удобную позицию, соблазнится блесной, но так и не дождался. Он неподвижно лежал под струёй и знал одно — подставлять пасть под сбиваемую рыбёшку.

ЗАБОТЛИВАЯ МАМАША

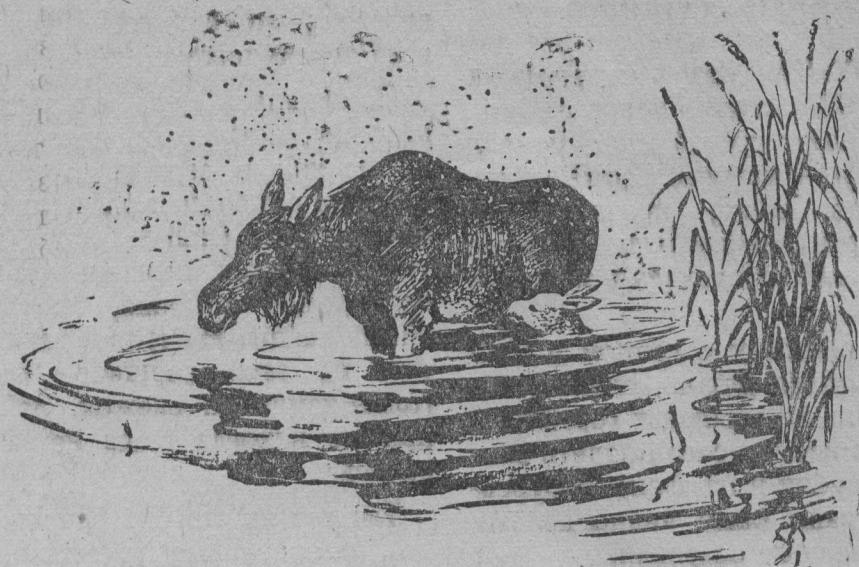
КОМАРЫ вились над озером чёрными назойливыми клубками, от их нудного, заунывного звона стонал воздух.

Рыжеватый лосёнок уткнулся мордочкой в вымя лосихи, но, облепленный комарами, отпрянул и бешено начал носиться по кустам. Сбив насекомых, он опять уткнулся в вымя и снова отпрянул, как ошпаренный.

Лосиха осторожно ступила в воду. Лосёнок пошёл за ней, но у самой воды остановился в нерешительности. Его испуганный взгляд выражал растерянность и недоумение. Лосиха смотрела на него ласково, будто звала: «Ну, иди, глупенький, не бойся. В воде комары не кусают, насосёшься молочка вдоволь».

Лосёнок боязливо опустил в воду копытце, но, захрапев, отскочил, запрыгал по берегу. Потом остановился и, глядя на маму, протяжно, жалостливо замычал, как телёнок. Ему очень хотелось к маме, но вода казалась такой страшной. И он не знал, что делать.

Лосиха потолкалась у берега (было неглубоко), вылезла. Лосёнок радостно подскочил к ней, затыкал мордочкой в брюхо. Лосиха повернулась так, что те-

лёнок оказался у самого среза воды.

А комары неистово гудели. Вместе с ними, как бомбовозы, жужжали рыжие оводы, набрасываясь на малыша, у которого шкура была нежной, податливой.

Лосёнку, знать, стало очень больно, он судорожно забил ножками, попытался броситься в кусты. Но мамаша, резко повернувшись, неожиданно поддела его головой. Телёнок бултыхнулся в воду, забарахтался, вскочил, хотел выбраться на сушу. Мамаша торопливо преградила ему дорогу и неумолимо начала теснить в глубину, пока он не погрузился до головы.

Тогда она осторожно подошла к нему, подставила вымя. Забыв про обиды, голодный лосёнок жадно принялся сосать.

Комары и оводы кружились тучами, но лосёнок на сей раз был неуязвим. Крылатые крово-

сосы переключились на мамашу, облепили её густым слоем, но она стояла не шевельнувшись, только волнами вздрагивали мышцы.

Лосёнок насосался. Мамаша оттолкнула его головой и порывисто забегала по озеру, вздымая брызги. Знать, ей неведомо было от насекомых, да терпела, чтоб спокойно накормить детёныша. Вслед за ней шустро запрыгал телёнок, окатывая себя звонким душем. Ему очень нравилось бегать по воде. Он то резво подкидывал вверх передние ножки, то кружился, то валился на спину, фыркая и плескаясь.

Подул ветерок. Лосиха, бодаясь, вытеснила шалунишку на берег, отряхнулась, облизала его мокрую мордочку, начала обламывать ивовые ветки. Тонконогий лосёнок, подражая мамаше, тоже сломал ивовую веточку и, наморщив мордочку, лениво стал жевать горькие листья.

ГОРДЫЕ ЗАЙЧИШКИ

ПОГОДА под Игаркой в 1957 году капризничала. 9 сентября густой снег усыпал все горы и низины. Серые зайцы, избегая снега, прятались за стволами лиственниц, в серые тальники, забивались в мшистые кочки.

22 сентября с громом и молнией полил дождь, снег остался лишь на вершинах гор. Зайцы за это время успели надеть зимние шубки и на фоне побуревшей травы были видны далеко, как снежные островки.

Ястребы, кречеты, совы, песцы и лисицы перебрались в долину, где, не зная куда деться, в панике метались по тальникам беззащитные беляки. Их было очень много. Но через день я не

встретил ни одного. Неужели всех передушили хищники?

Поднявшись на скалистую вершину, я замер от неожиданности: там, в снежных куртинах, под глыбами, в расщелинах, на макушках скал — всюду, где уцелел снежок, лежали, как неподвижные комочки, притаившиеся зайцы. Ни травы, ни кустика на этой вершине — одни голые камни да снежок. Зайцы прежде никогда сюда не забегали.

Так вот на что они решились, эти нетерпеливые трусишки, — лучше умереть голодной смертью на свободе, в камнях, чем в когтях совы или в зубах соболя!

Я не стал их пугать, обошёл стороной.

Как Жора рекорд «проворонил»

(Рассказ в рисунках К. Бекташева)

П ОЭТЫ Лев Николаевич Гаврилов и Вольт Николаевич Суслов, которых фотограф заснял в тот момент, когда они в творческом содружестве создавали новое стихотворение, внешне не похожи друг на друга. Но они очень похожи своим литературным почерком. Стихи, которые они пишут, отличаются увлекательным сюжетом и юмором. Их легко, весело и интересно читать. Этим и объясняется, что Гаврилов и Суслов, люди разных профессий, — первый — инженер-механик, второй — литературный работник «Ленинских искр» — быстро нашли общий поэтический язык и с января 1957 года начали вместе писать стихи.

В «Искорке» № 6 за прошлый год появился литературный герой Аркадий Перепуткин, с которым хорошо знакомы наши читатели. С тех пор он часто присутствует на страницах журнала. Создали его Лев Гаврилов и Вольт Суслов.

Оба автора очень любят, когда читателям весело. «Север—Юг» — первая крупная совместная работа молодых поэтов.

Л. Гаврилов
и В. Суслов

«Север—Юг»

Что такое над Невою?
Над Невою что такое?
Что за чудо-пароход
По Неве-реке плывёт?
Он идёт на самом полном,
К берегам несутся волны,
Плещут,
Хлещут о гранит!
Кто плывёт?
Да это ж Кит!

А на нём! А на нём
Кенгуру сидит верхом!
Едет Страус длинноногий,
Едут Зебры, Носороги...
Кверху голову задрав,
Едет мачтою Жираф.
На Жирафа пять Макак
Кое-как втащили флаг.

И кричит им капитан —
Африканский Павлин:
— За рога цепляйте быстро
И спускайтесь срочно вниз!
Впереди по курсу пристань.
Точно к сроку добрались.

Плавал Кит по жарким странам,
По морям, по океанам:
Собирал спортсменов он,
Вез сюда, на стадион,
Прямо к Ленинграду,
На спартакиаду!
Едут звери! Едут птицы!
Чемпионы! Олимпийцы!
Ждёт команда северян
Рекорсменов южных стран.
Говорит Питону Слон:
— Уважаемый Питон,
Торопитесь,
Раскрутитесь,
И за берег зацепитесь —
Нам причаливать пора!
А вокруг гремит «ура»,
В небе песни носит ветер,
Голоса слышны вокруг:
— Завтра утром на рассвете
Состязанье «СЕВЕР — ЮГ»!

Попутру со всех сторон
Звери шли на стадион.
Быстроногие Газели
Скачут, мчатся вдоль панели —
Нет минутки отдохнуть!
Но ещё за две недели
Черепашки вышли в путь.
Ёж билеты продаёт.
Вдруг подходит Бегемот:
— А скажите, можно взять
Не билет, а сразу пять?

На три места сяду я,
На два рядом — дочь моя...
На футбол спешил Петух.
Повстречал соседей двух,
И под деревом в тени
Перессорились они.
Ох, досталось Петуху!
Вся трава кругом в пуху!
И ему теперь, друзья,
На футбол никак нельзя...

Проверяет Козерог:
Подбилета с пары ног.
И Букашка на суку
Говорила Пауку:
— Что мне делать? Дай совет.
Я взяла себе билет,
Но не пустит Козерог:
У меня же сорок ног!
— Эх-хе-хе! — вздохнул Паук. —
Сам имею восемь штук.

Бродит Зайка грустный-грустный,
Носит Зайка лист капустный:
— С кем сменяем на билет?..
Нет желающего?..
— Нет!
А над Зайкою Синицы
Пролетают вереницей.
За Синицами Стрижи —
Их, попробуй, удержи!

Как бы Зайке умудриться
К птицам зайцем прицепиться?..
Без билета у ворот
Ходит злой-презлющий Крот.
Он ворчит на всех на свете:
— Не пускают... Ну и пусть!
Я на состязанья эти
Под землёю доберусь!

Отошёл в сторонку Крот,
Начал рыть подземный ход.
(А что дальше будет —
Узнаете...)

В макинтоше полосатом,
С новым фотоаппаратом,
Заграничный важный Сыч,
С навесным от солнца тентом,
Прибыл спецкорреспондентом
От газеты «Брекен Дичь».
Светит солнце в небе ясном.
...Сыч строчит: «Кругом ненастно».
Песни, музыка слышна.
...Пишет: «Всюду тишина».
Видит Сыч: друзья обнялись,
Друг у друга лапы жмут.
...Пишет: «Звери передрались,

Перегрызлись там и тут.
Нужно вызвать самолёты,
Выслать армию пехоты —
Всем дерущимся помочь!»
Видит день он, —
Пишет — «ночь»!

Недоволен Белый Мишка:
Стало Мишке жарко слишком.
Он пошёл искать прохлады
И залез в холодный душ,
Пыль собрался — стенки рядом!
Мелковато тут к тому ж.
И ворчит он:
— В этом блюде
Мне никак не повернуться!
Мне никак не окунуться
И не вымыться никак!
Ну и Мишка! Вот чудак!
Здесь тебе не океан,
Здесь не море!
Здесь — фонтан!

Попугаю микрофон
Принесли на стадион:
— Вы, товарищ комментатор,
Не жалейте голоса:
Вас ведь слушает экватор,
Слышат оба полюса!

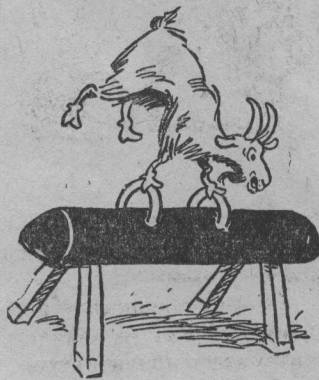

У вулкана Фудзияма
И на речке Чичиклея
Тигры, Львы, Гиппопотамы
У приёмников «болеют»!
Попугай сказал: «Угу!»
Постараюсь, как смогу».

Все расселись по местам:
Мишка, Лось, Гиппопотам.
Дальше всех уселся Слон.
Вместо места служит он —
И на нём гурьбой сидят
Сто зайчат и медвежат.
Только Ёжик! Только Ёжик
Отыскать местечко может!
— Потеснитесь как-нибудь, —
Просит Ёжик Волка. —
Невзначай могу колючую —
У меня ж иголки...

Взвился флаг спартакиады
В голубую неба высь.
После общего парада
Состязанья,
Начались!

Летит Козёл через Коня:
— А ну-ка ты через меня?!
Шагает Конь через Козла:
— Ну что, рогатый, чья взяла?!
Штангу в тыщу килограмм
Поднял вверх Гиппопотам.
Сел на штангу Воробышка,
Не поднять — два грамма лишка!
Эстафета! Эстафета!
Как по гладкому паркету,
По дорожке мчатся Кони,
Зебры, Зебры, Лани, Пони,
А за ними со всех ног —
Носорог!
Вприпрыжку толстый Бегемот
Упорно движется вперёд.
И не беда, что он к этапу
Не первым палочку принёс.

Да вот беда: случайно лапой
Он наступил Лисе на хвост.
Лиса отчаянья полна:
Не обогнать теперь Слона!

— Смотри-ка, ты! —
Кричат Коты. —
Отстал Трезор!
Какой позор!

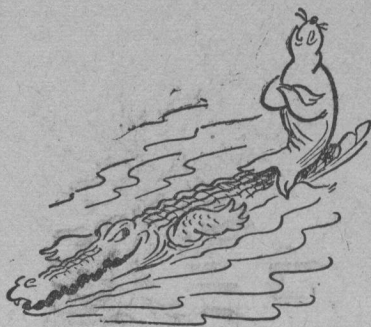

Морскому льву кричат «ура».
— Рекорд в толкании ядра!
Несут цветы.
Но чемпион
Спешит покинуть стадион:
— Вы извините, чур-чур...
Мне на работу в цирк пора.

Ленивый Ленивец залез на турник.
Ленивый Ленивец от спорта отвык.
Залез и болтается на турнике.
Висит и качается, как в гамаке.
И снится Ленивцу ленивому сон,
Как будто вернулся в Бразилию он,
Цветы с берегов Амазонки-реки
Ему, чемпиону, несут земляки!

Ленивец взирает на всех свысока,
Он лапы разводит и...
хлоп с турника!

А на Фонтанке в этот час
Идут заплывы стилем брасс.
У пионерского дворца
Метнулись в воду два пловца.
Тюлень пыхтит, Тюлень плывёт,
Он вырывается вперёд,
Но старый нильский Крокодил
Тюленя вдруг опередил.
Кричат болельщики-Моржи:
— Хватай его!
— За хвост держи!
Поймал Тюлень зелёный хвост
И пронырнул Калинин мост.
Но Пингвин проделки эти
Сразу с катера заметил
И сурово объявил:
— Победил
Крокодил!

А рядом по нырянию
Идут соревнования.
Должен Мишка прыгнуть с вышки,
Но на вышке страшно сдишком!..
— Ой, ты, мамочка родная,
Ты медведица моя,
Высота-то тут какая!
Как же прыгать буду я?..
— Га-га-га! — гогочут Гуси. —
Мишка с вышки спрыгнуть
трусит!

— Сме-ех! — кричит ему Овда. —
 Может быть, послать сенца?! —
 Рассерчал Медведь на них,
 Разбежался и
 Бултых!
 Судьи так ему сказали:
 — Недостоин ты медали!
 Ты ныряешь, как утюг,
 Баламутишь только воду.
 Но за храбрость на-ка, друг,
 Получай бочонок мёду!

Футбол!

Торопятся на луг
 Одиннадцать Зайчат.
 — На месте «Север»,
 Где же «Юг»? —
 С трибун Бобры кричат.
 И вот бегут Макаки,
 Готовые к атаке.
 Важный Страус (он судья)
 Свистнуть просит Соловья.
 И Соловей даёт свисток.
 Внимание!
 Начат матч!
 И у Макаки из-под ног
 Зайчонок выбил мяч.
 Обвёл он сразу трёх Макак,
 А вот четвёртую — никак...
 Будь ты хоть трижды ловок —
 Нельзя же без пасовок!
 Пасуя мячик меж собой,
 Южане в бой
 Бегут гурьбой.
 И вдруг ударил кто-то
 В ворота
 С поворота...
 Да промахнулся сгоряча

И угодил как раз в Сыча!...
 Теперь зайчата дружно
 Бегут к воротам южным.
 Но тут одна Макака,
 Макака-забияка,
 Зайчонка сбила с ног.
 Бедняга встать не смог.
 И вступила в игру
 Кенгуру.
 Она — не игрок, а врач.
 Она прерывает матч.
 Зайчонка она берёт
 И в сумку свою кладёт.
 Оставил игру больной,
 Назначил судья штрафной.
 И сам от ворот Макак
 За шагом считает шаг.
 Единнадцать! Ставит мяч.
 Но зайцам теперь — хоть плачь:
 Ну кто ж этот мяч забьёт,
 Ведь он позади ворот?
 У их вратаря за спиной...
 Ну кто тут пробьёт штрафной?..
 Но вновь закипает игра.
 Пасовка зайчат хитра!
 По краю один прошёл,
 Ударил в ворота... Гол!!!
 Трибуны визжат и кричат:
 — Победа команды зайчат!
 Коллегия судей ведёт
 Строжайший очкам подсчёт.
 И Буйвол, главный судья,
 Кричит в микрофон:
 — Друзья!
 Болельщики, гости и зрители!
 Поздравить прошу победителя:
 По сумме очков —
 Ничья!

Тут на центр поля быстро
 Вышли Соболи-горнисты,

Леопарды-флейтисты.
 Затрубили громко Пони
 На альтах и на тромбоне,
 А счастливый Бегемот
 Запихнул в огромный рот
 114 корнетов,
 270 кларнетов,
 Баритон, трубу и бас —
 Всё враз!

Дружно Белки
 Бьют в тарелки,
 И Баран —
 В барабан:
 «Там-там-тара-рам!!!»

А в это время хитрый Крот
 Всё рыл и рыл подземный ход.
 Давно уж пройдена ограда.
 Решает Крот: «Теперь пора!
 Наружу выбираться надо».

Из-под земли ползёт дыра,
 Летит песок, дыра растёт,
 На белый свет выходит Крот.
 Он поражён и удивлён:
 Молчит огромный стадион!
 Пищит над ухом только Мышь:
 — А ты чего ещё сидишь?
 Смотреть явился? Молодец!..
 Да тут давно
 Всему

КОНЕЦ.

ЗАГАДКИ

Под стеклом сижу,
 В одну сторону гляжу.
 В лес со мною заберёшься —
 И с пути ты не собьёшься.

(Компас)

Тянется, как нитка,
 А в клубок не смотаешь.

(Тропинка)

Синий домик у ворот.
 Угадай, кто в нём

живёт.
(Почтовый ящик)

Бел, как снег.
 В чести у всех.
 В рот попал,
 Там и пропал.

(Сахар)

Тайны посёлка Званцево

(Маленькая повесть о лесных невидимках)

Краткое содержание первой и второй частей

В окружающих посёлок Званцево лесах появились «лесные невидимки». Приехавший в Званцевскую библиотеку на вечер-встречу с читателями литератор услышал от местного библиотекаря Ольги Михайловны много интересного и загадочного о невидимках и решил заняться их поисками. И вот через пять дней литератор снова в Званцево. При содействии Ольги Михайловны снята комната. Хозяевами оказались молодые супруги. У них есть сын Костя, двенадцатилетний тихий мальчик. Литератор хотел через него получить некоторые сведения о ребячьем населении Званцева, но от этого пришлось отказаться. Мальчик оказался очень неразговорчивым. И вот литератор решил направиться в лес, ведь у лесных невидимок и база, наверное, должна находиться в лесу.

Захватив всё необходимое для трёхсуточного перехода, литератор наметил маршрут. На исходе третьего часа пути «затанцевала» стрелка компаса, следовательно где-то недалеко залегают пласты железных руд, о разработке которых мечтали «одинокие пилигримы». Значит, искать нужно было где-то здесь. Проплутав по «заколдованному кругу» до вечера, он так ничего и не нашёл. Идя уже наугад, обнаружил какое-то здание и решил в нём заночевать. Наутро, осматривая дом, в одной из комнат натолкнулся на верстак и столярные инструменты, а среди стружек нашёл кусок белой жести со знакомыми буквами «ЛН». Стало ясно, что это мастерская лесных невидимок.

Вернувшись в посёлок, литератор узнал, что дом, в котором он провёл ночь, называют «Болотным замком». Место это пустынное и пользуется дурной славой. В комнате его ожидал сюрприз. У потолка болтался воздушный шар с бумажкой, на которой он прочёл: «Искать нас бесполезно «ЛН», а внизу, украшенная топографическими знаками, красовалась загадочная восьмёрка.

Вечером литератор услышал в саду странный разговор о какой-то «Операции «Черепаша», назначенной на завтра в десять ноль-ноль.

Было над чем подумать...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ*

ПРОИСШЕСТВИЯ сыпались, как из рога изобилия. Я даже не успевал их подробно записывать. Накануне, просидев допоздна над загадочной восьмёркой — ребусом, который мне прислали лесные невидимки, я, конечно, проспал.

Ребус не разгадан ♣ В засаде ♣ Эвакуация «Болотного замка» ♣ Я подозреваю Костю ♣ Операция «Черепаша» ♣ Знакомство в кювете ♣ Ультрамариновые ящики появляются всюду ♣ Набат! ♣ Вот они — лесные невидимки! ♣ Мы узнаём фамилию вожака ♣ Чтение «Зелёной книги» ♣ Маленькие хозяева большого хозяйства ♣ Чем объясняются «танцы» компасной стрелки ♣ Здесь пройдёт голубая дорога ♣ Садовинаградо ♣ Мы приедем весной!

И ребуса не решил и с кровати не поднялся в положенный час. А задача была ясная и определённая: встать, как говорится, с петухами, и, пока все спят, неза-

Окончание. Начало см. в «Искорке» № 5 и 7 за 1958 г.

метно пробраться в расположение «Болотного замка». Там, невдалеке от «фабрики» невидимок, я предполагал засесть в хорошо замаскированном, укромном местечке и на-

чать увлекательную игру под названием: «Я тебя вижу, а ты меня нет!». Удобных для засады местечек было два. Я заметил их ещё прошлый раз, когда уходил из «Болотного замка» после ночлега: древний, полуразрушенный погребок-ледничек во дворе дома и естественное укрытие — группа густых, разлапистых ёлок, росших у самой ограды. Предпочтение хотелось отдать этому второму местенку. Оно казалось более надёжным. К нему можно было незаметно подойти со стороны леса. Погребок, правда, находился ближе к дому, но подступы к нему оставались открытыми. Если бы я встал, как было задумано, на рассвете, — другое дело. Сейчас пробраться к погребку, без риска быть замеченным из замка, не представлялось возможным.

Я долго полз по-пластунски к заветным ёлочкам, делая передышки и опасливо поглядывая по сторонам. Никого! На счастье, утро было не росистым. Лишь отдельные капельки кристально-прозрачной влаги сверкали на солнце радужными алмазами.

Вот и ограда! За ней — совершенно чёрная, мрачная дача с покосившейся башней. Кругом тишь, пустота, безлюдье.

Я осторожно прокрался к ближним ёлкам и, выбрав одну из них, самую большую и густую, влез ужом под её широкие, раскидистые и пахучие ветви. Развернуться и устроиться было делом одной минуты, и вскоре я уже сидел на пружинистой мшистой кочке, разглядывая в бинокль и замок и все подступы к нему. Определив на глазок расстояние от меня до крыльца дачи, я достал свой «ФЭД» и подготовил его к предстоящей фотосъёмке.

«Ну, берегитесь, невидимки! Теперь вы в моих руках! Я незаметно перешёлкаю всех вас на фотоплёнку. Сделаю увеличения, а потом, при встрече, представлю вам портреты как вещественное доказательство. Попробуйте, отойдите!»

Так думал я, тайком наблюдая за «Болотным замком». Но не тут-то было! Прошёл час, второй, третий... Ни одна живая душа не посетила ветхую дачу и не покинула её.

Я устал. От неудобного сидения под ёлкой у меня заболели плечи и шея, затекли ноги. Пришлось вылезти из укрытия и чуть-чуть размяться. Мучительно хотелось курить. Но, боясь привлечь к себе внимание табачным дымом, я терпел.

Прошло ещё два часа. Всё оставалось по-прежнему: я был один среди этих пустынных, забытых людьми мест. В замке не раздавалось ни стука, ни шороха. А кругом разлилась такая тишина, что даже трусливый зайчишка и тот вылез на полянку перед дачей и стал безбоязненно выщипывать из пышного пахучего разнотравья свою излюбленную кисляку — заячью капустку.

Я сфотографировал обедающего русака. Однако не для этой же цели я сюда приполз на животе и маялся почти пять часов скрюченным в «три погибели» под ёлкой! Надо было что-то предпринять решительное. Не сидеть же здесь до утра, сложа руки!

«Приготовиться к атаке!» — командовал я самому себе и затем с криком: «Даёшь!» — бросился через поляну к старой даче.

Ещё на бегу, помня о скопище летучих мышей, я бросил на веранду свою палку и через минуту взбежал на крыльцо.

Бесплодная атака! «Противника» не было. Я обошёл все помещения замка. Они были пусты. Исчезли и верстак, и ящик с инструментом, и рабочие заготовки. Изчезло всё, даже стружки. Замок был пуст. Лесные невидимки покинули его.

Грустным я притащился домой. И вот тут-то, как говорится, и «прорвался мешок». А из него, словно горох, посыпались происшествия.

Ещё у калитки я услышал громкий голос и торопливую, раздражённую речь своей хозяйки. Она ругала сына. Я не вслушивался. Кроме того, у Насти, когда она волновалась, была привычка проглатывать слова, и я не сразу понял, в чём дело. Только войдя в сад, я увидел Костю. Вид у него был необычный. Молчальник сидел на скамейке, виновато болтая забинтованной ногой. И коленка и щиколотка украшались толстыми марлевыми повязками. Руки Кости в многочисленных ссадинах и царапинах были закапаны йодом. Мать хлопотала и сутилась около него, рассерженно покрикивала:

— Полюбуйтесь на этого остолопа! Вы думаете, это мой сын, школьник Костя Гущин? Ничего подобного! Это — грязная черепаха. Она собирает битые бутылки, булыжник, ржавые гвозди, железо и колючую проволоку. Вы хотите знать — зачем? Спросите у черепахи сами. У меня не хватает ума догадаться — зачем... Жаль, нет отца! Он бы всыпал сыромятным рем-

нём этому вонючему сборщику утиля по первое число!

— Анастасия Васильевна, в чём дело? — спросил я. — Что случилось?

— Что? — повернулась она в мою сторону и кинула на меня такой недовольный и укоряющий взгляд, словно я перед ней в чём-то очень провинился. — А вот что... — сунула она мне какую-то мокрую, грязную обёрточную бумажку. — Написали бы про этих стервецов в «Ленинских искрах». Пусть газета их как следует прохватит. Нет, чтобы покультурному книжки почитать, умаразума занять у хороших ребят! Нет! Всюду лезут сломя голову. Да сиди ты, шут тебя разбери, несчастный олух! — резко закричала она на Костю. — И не тронь грязными ручищами... ещё какую бациллу себе в кровь посеешь. Я сейчас пластырь принесу. Дурень несчастный, прости господи!

Она пошла в дом. А я развернул запачканную, подмокшую бумажонку и прочитал:

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ

Дорогой Дима Кубышкин!

Приглашаем тебя сегодня к

10 часам утра на плотину для участия в массовой операции под названием «Черепеха». Лучшие — получают премии.

С приветом Лесные Невидимки

Я с недоумением посмотрел на Костю.

— Кто это — Дима Кубышкин?

— Так... Соседский парнишка...

— А ты, Костя, тоже участвовал в операции «Черепеха»?

— Ну, участвовал...

— И что скажешь? В чём заключалась эта операция?

— Ну, пляж очищали, убирали там барахло разное и всё...

На крыльце появилась хозяйка.

— Они так доубирались, — откликнулась она, — что руки, ноги и даже башки себе поразбивали. Вот полюбуйте на этого инвалида!

Я живо достал из кармана блокнот и перелистал его. Мне сразу на глаза попала вчерашняя запись:

«— Алло! Зекс?

— Есть, Зекс!

— Операция «Черепеха» завтра в десять ноль-ноль.

— Есть! Принято!»

Я начал читать эту запись вслух, делая остановки и пристально поглядывая в паузах на Костю.

При первых же словах он вздрогнул, бросил на меня молниеносный удивлённый взгляд и отвернулся.

Я почувствовал, что «попал в точку». Костя либо знал содержание этого диалога, либо сам был одним из тех двух действующих лиц, которые разыграли эту маленькую сценку в сумерках вчерашнего вечера.

Через полчаса я уже разгуливал по берегам искусственного званцевского озера. Мне дважды довелось бывать здесь. Один раз я даже купался. Внешне, казалось, не произошло никаких перемен. Но...

Когда был вырыт котлован для этого озера, то очисткой его занимались мало. Попросту говоря, удалили лишь несколько солидных гранитных валунов, а булыжник, корни деревьев и кустарника, даже мелкие пни, оставили. Всё это являлось серьёзной помехой для купающихся и вызывало их справедливые упрёки, жалобы и нарекания. Но от слов, упрёков и жалоб надо было перейти к делу. Как видно, этим и занялись лесные невидимки.

И вот я смотрю на высокие пирамиды, выложенные из покрытого цвелью и мхом булыжника, на почти двухметровые кучи из коряг, пней и змеевидных корневищ. Всё это засоряло пляж и прибрежную полосу воды.

Игравшие в песке ребяташки рассказали мне, как всё это происходило. Рано утром многие званцевские школьники получили письма, имеющие форму уже известного мне пригласительного билета. На плотину явилось около двухсот человек. Их уже ожидали на берегу ребята с красными повязками на руках. Прибывшим живо объяснили их задачу. Всех разбили на группы-бригады. И... штурм берегов званцевского моря начался! Операция «Черепеха» увлекла ребят. Был взят

такой быстрый темп, что через два с половиной часа всё было кончено. Мои словоохотливые рассказчики охотно и с гордостью показали уже виденные мною булыжные пирамиды и похвалились премиями. Двое ребятшек получили сильно потрёпанные и зачитанные тоненькие книжки пушкинских сказок. На титульном листе каждой из них была сделана одинаковая дарственная надпись:

Славному участнику операции «Черепаша» на добрую память об этом дне — 17 августа 1957 года.

Лесные Невидимки.

Итак, уже не инициалы, а полная подпись.

Меня не покидало чувство досады. Ещё бы! Просидеть полдня под ёлкой, ожидая невидимок, в то время, когда они, ни от кого не скрываясь, у всех на виду, орудовали в течение почти трёх часов. Фантастическое невезенье!

— Кто же эти таинственные лесные невидимки? Вы их знаете? — спросил я у премированных участников озёрной операции.

— А как же, это — наши звандевские... школьники... Они раньше...

И ребята наперебой стали рассказывать мне, что раньше они не знали, кто такие эти невидимки, а теперь, после операции «Черепаша», всё стало известно. И малышей обещают принять в команду лесных невидимок, потому что они хорошо работали.

Итак, лесные невидимки «вышли из подполья» и открылись. Надолго ли?

Со слов ребят я записал добрых полтора десятка имён и фамилий. В этом списке, между прочим, оказался и сын хозяев моей дачи — Костя Гущин. Во время операции он был бригадиром, с красной повязкой. Хитрец! Больше уже он не отделается от меня ленивыми междометиями. Он ловко играл роль за-

стенчивого молчальника, а на самом деле, по-видимому, был одним из активных невидимок. Теперь понятно, что они знали о каждом моём шаге. Воздушный шарик с записочкой — это работа Кости. Посмотрим, как Костя теперь объяснит мне всё это! И пусть расскажет про загадочную восьмёрку. Да, да, непременно!

Я так увлёкся своими размышлениями, что прошёл мимо магазина, забыв купить папиросы. Пришлось повернуть назад. Моя рассеянность под влиянием всё углубляющегося раздумья возрастала и наконец... при переходе через дорогу я чуть не угодил под грузовик. Каким-то чудом мне удалось отскочить от колёс, но я оступился и полетел в придорожный кювет.

Над самым ухом я услышал визгливый скрежет тормозов и громкую ругань шофёра. Потом кто-то помог мне подняться. А женский голос участливо спросил:

— Вы не ушиблись, гражданин?

— Благодарю вас! Ничуть! — ответил я, с грустью глядя на свои

светло-серые брюки, вымазанные в канаве рыжим суглинком.

— Это вы не трогайте. Пусть высохнет. Потом — щёткой и отойдёт, — деловито посоветовал тот же приятный и молодой женский голос.

Я поднял голову.

На тропинке стояла очень славная, миловидная девушка в белом ситцевом платье, густо усыпанном ярко-синим горошком. Глаза девушки были такими же ярко-синими. Она сочувственно улыбалась мне.

Рядом с ней стоял высокий юноша, ещё моложе её, совсем мальчик. Это он и помог мне выбраться из кювета. Они оба, и девушка и её спутник, держали за широкие ремни туго набитую газетами и журналами кожаную сумку почтальона.

Лицо мальчика показалось мне очень примечательным. Не знакомым, а именно примечательным. Я никак не мог догадаться, что в этом лице привлекло моё внимание. И только уже у себя на даче, перелистывая записную книжку, натолкнулся на такую интересную заметку:

«Приметы вожака лесных невидимок:

а) Высокий рост

б) Лет 14—15

в) На мочке левого уха больша-я род-ин-ка.»

Спутник миловидной девушки имел все эти приметы.

Так, в придорожном кювете, произошла моя долгожданная встреча с вожакom лесных невидимок, а я то сразу и не догадался! Ну, что ж, зато теперь я его легко найду. Живо на почту! Интересно было бы прихватить с собой Костю. К сожалению, невидимки-подпольщика дома не оказалось. Мать сказала, что «инвалид проковылял к приятелю».

Выйдя за ворота, я обнаружил на калитке нашего дома блестящий ультрамариновый почтовый ящик. Несколько раз за сегодняшний день я проходил через калитку и не видел этого ящика.

— Ау! Анастасия Васильевна! — окликнул я свою хозяйку, собиравшую в огороде огурцы. — Откуда взялась такая новинка?

— Костыка прибил недавно. Это он вчера и принёс. Взял у отца десятку и принёс. Уж не знаю, откуда, видно, с почты... Хороший ящик! — прибавила она. — Фасонистый!..

Мне некогда было спросить, что она подразумевала под словом «фасонистый», я торопился.

Быстро спустившись с косогора и дойдя до перекрёстка, я ещё издали увидел такой же ящик на калитке одной дачи. Румяный, крепкий старичок, видно, хозяин дома, мёл от ворот дорожку.

— Извините, пожалуйста, гражданин, — обратился я к нему, — где вы купили такой красивый ящик?

— Э тот-то? Брал где? — переспросил старичок. — А по случаю, мил человек. Двое пацанов принесли. Цена умеренная: десять рублей. Они же сами и приспособили. Да обратите внимание — не как-нибудь, а винтами. Я говорю: «Ребята, надо бы ящик-то к крыльцу». А они возражают: «Нет, говорят, дедушка, нынче другой порядок. Теперь приказано вешать к калитке, как по ин-

струкции». И вот приспособили. Аккуратная работка...

Старичок уже отставил метлу и готов, видно, был поболтать со мной, но я спешил. Пожелав ему обновить свой ящик каким-нибудь приятным почтовым извещением, я поскорей удалился.

Спешил, впрочем, я напрасно — дойти до почты мне так сегодня и не удалось. Я услышал звуки набата. Колокол во дворе поселкового Совета гудел беспрерывно, оглашая окрестности тревожными призывами.

Тихая улочка стала сразу многолюдной. Отовсюду во весь дух мчались ребята, возбуждённо переключаясь свистками.

Навстречу мне попался бежавший железнодорожник. Он держал в руках топор и пожарную каску.

— Что случилось? Где-нибудь горит? — крикнул я ему.

— Да. Как будто клуб! — ответил он на ходу и махнул рукой в сторону футбольного поля. — Смотрите!

Я увидел поднимавшийся над крышами дач столб чёрного дыма. Время от времени его словно прокаливали яркие языки пламени.

Пожарные команды придут сюда из районного центра не раньше, как через полчаса. Но я знал, что в Званцеве существует своя добровольная пожарная дружина и поэтому ничуть не удивился, когда, пробежав на место пожара, увидел, что с огнём уже идёт энергичная борьба. Стрекотали два движка, качая из пруда воду и подавая её по шлангам. Работали ручные насосы.

Но горел не клуб, а большой сарай. Он был полон заготовленными для клуба на зиму дровами. Сильный ветер бросал искры на крыши и стены клубных построек. Близкое пламя обжигало их своим жарким дыханием. Пришлось не столько гасить сарай, сколько оберегать соседние постройки, стараясь умерить опаляющий жар. Непосредственная опасность воспламенения угрожала клубу. Из шлангов и ведёр на него были брошены защитительные потоки воды. Но когда вспыхнула стоявшая в двадцати метрах от клуба де-

ревянная двухъярусная беседка, — оставалось только одно: спасти клубное имущество.

Прежде чем пришло это решение, в действие уже включились боевые ударные силы. Это были званцевские ребята. словно муравьиная дорожка, волнуемая и стремительная, непрерывно движущаяся, протянулась от распахнутых дверей клуба до спортивной площадки длинная, в два-три ряда, цепочка ребят — носильщиков. Безостановочно, бегом двигался этот живой конвейер, переносил театральные реквизиты, музыкальные инструменты, клубный инвентарь, мебель и картины. Это движение не было стихийным. Я видел собственными глазами, как его организовали ребята-водители и как энергично действовал главный среди них — спутник девушки-почтальона. Любо-дорого было смотреть на Костю. Ленивый, малоподвижный тихоня и молчаливник преобразился. Обе его марлевые повязки, грязные и разлохматившиеся, болтались, съехав на ботинки. Костя не обращал на них внимания. То навьюченный выше головы, пыхтя и отдуваясь, ковылял он по лестнице, то бросался помогать тем, у кого груз оказывался непосильно тяжёлым.

Прибывшие пожарные быстро разбили и растащили баграми остатки сарая и беседки, погасили многочисленные очажки пожара. Клуб уцелел.

Я пошёл побродить среди людей. Здесь были мои знакомые, те немногие, с кем я встречался в Званцеве, и, конечно, Ольга Михайловна с Серёжей.

Я очень обрадовался им.

— Вот, вот... — пожурела она меня. — Будто в разных городах живём... Понадобилось чрезвычайное происшествие, чтобы вы наконец вспомнили о моём существовании. Ну что, поймали лесных невидимок? Нашли их? Или всё ещё ловите? Где же они? Вы знаете, я ведь в большом долгу у них за спасение Сергея. Жду не дожусь поблагодарить. Когда вы мне их представите?

— Я могу это сделать сейчас. Хотите?

— Сейчас? — удивилась она. — Как странно! Конечно, хочу!

— Идёмте!

Большая группа ребят сидела, отдыхая, на траве у края волейбольной площадки.

Мы подошли. На нас никто не обратил внимания. Все слушали своего вожака.

Его речь была ровной и гладкой, но какой-то витиеватой, отчего на всём лежал налёт искусственности и манерности. По-видимому, это был своеобразный «стиль», принятый в своей среде.

— В конце концов, — говорил он, — мы не привыкли бледнеть перед препятствиями. Нас не устрашит, не повергнет в смятение и не сделает малодушными какая-то жалкая горстка вещей...

Он обвёл рукой окружавший их барьер из наваленного друг на дружку имущества, вытащенного во время пожара из клуба, и продолжал:

— Конечно, энтузиазм наш угас с последними искрами опасного пламени. Мы устали, как верблюды, прошедшие палящую зноем аравийскую пустыню. Мы остались одни. И нам не удастся увлечь за собой отсталую младенческую массу. Все

эти тонны поклажи лягут на наши истомлённые плечи. Но мы должны преодолеть земное притяжение, поднять дьявольски надоевший груз, перенести его и водворить на место, в клуб. Дела хватит на целый час. Встанем же, о верные друзья, по счёту раз, два, три и восславим собственное мужество. Да здравствуют идущие впереди!

Ребята, весело шумя, поднимались с земли. Я тихо шепнул Ольге Михайловне:

— Вам случайно не знаком этот высокий, красноречивый юноша?

— Ну, как же! Я только не подозревала о его красноречии. Это Миша Зимацкий, брат нашего поселкового почтальона — Верочки Зимацкой. Он один из самых активных читателей моей библиотеки. Хороший парень...

— Это — вождь лесных невидимок! — сказал я с еле скрытым чувством торжества, словно это открытие пришло не само, а явилось в результате моих долгих трудов и усилий.

— Вот как?!

На лице Ольги Михайловны появилось радостное, неподдельное изумление. Оно вознаградило меня за все неудачи.

— А остальные ребята? — спросила она, оглядывая всю компа-

нию. — Я ведь их почти всех хорошо знаю. Неужели...

— Да, да! Перед вами таинственные незнакомцы, занимающиеся благородным и бескорыстным делом общественного благоустройства вашего милого посёлка. Невидимые, скромные рыцари добра, славного труда и безвестных подвигов...

Я почувствовал, что говорю в стиле Миши Зимацкого, но Ольга Михайловна уже не слушала меня. Взяв за руку своего племянника, она шла прямо к вожаку лесных невидимок.

Я последовал за ними. Ребята, заметив нас, замолчали. Многие приветствовали Ольгу Михайловну. Вожак сделал несколько шагов навстречу.

— Здравствуйте, Ольга Михайловна! — с улыбкой проговорил он. — Извините, пожалуйста, я задержал книжки... Может, они очень нужны, так я...

— Здравствуй, Миша!

Она подала ему руку, потом поздоровалась с другими ребятами.

— О книжках будет особый разговор... Прежде всего, я хочу, Миша Зимацкий, поблагодарить тебя и твоих прекрасных друзей за спасение Сергея. Я с радостью всех бы вас расцеловала, но не хочу никого смущать и конфузить. Зато мне очень хочется дружить с лесными невидимками. Вы не возражаете? У меня есть к вам просьба, просьба о помощи. Я приглашаю вас сегодня вечером, ну, скажем, часов в восемь к себе. Там и поговорим. Никого из посторонних не будет; только вы, я и мой городской гость. (Она назвала меня). Согласны?

— Нас много, Ольга Михайловна, — раздался меланхолический голос молчальника Кости.

— Но не двести же и не триста, правда, Костя? — спросила Ольга Михайловна.

— Сегодня стало ровно пятнадцать, — ответил за него Миша Зимацкий.

— Вот все и приходите. Пожалуйста! Я очень прошу! Буду ждать. Придёте? Ну, Мишенька Зимацкий,

ты же как вожак уполномочен, наверно, говорить от имени всех. Обещай, что слёт невидимок состоится сегодня вечером у меня на даче. Обещаешь?

— Обещаю, — сказал Зимацкий. — Если не произойдёт чрезвычайного происшествия, то есть землетрясения, тропического ливня, урагана, пожара или наводнения, то славный фрегат под командой лесных невидимок в восемь часов ноль-ноль минут появится на траверзе вашей дачи.

— Ну и отлично! — весело улыбнулась Ольга Михайловна.

Мы расстались. Я не хотел затевать так, налегке, большой разговор с невидимками, тем более, что нас всё время отвлекала бы переноска вещей. К чему делать наспех то, что можно сделать в спокойном состоянии? Ведь в моё распоряжение отдан весь сегодняшний вечер. Ясно же, что Ольга Михайловна пригласила ребят главным образом из-за меня. Много, очень много надежд возлагал я на предстоящую встречу с ребятами! Но, увы, я не попал на этот слёт невидимок. Дома меня ожидала срочная телеграмма. Неотложные дела спешно вызывали в город. Я провозился с ними целых две недели. Потом, к несчастью, серьёзно захворал и месяц провалялся в постели. Но я всё же послал Ольге Михайловне для передачи лесным невидимкам большое письмо. В нём я писал о себе и о том, как неудачно складывались мои поиски лесных невидимок. Конечно же, мечта о самой скорой и самой близкой встрече с ними оставалась, как говорится, на повестке дня. К сожалению, вряд ли только удастся осуществить эту мечту до весны. В письме я признавался, что рассказал ленинградским ребятам кое-что о славных делах юных званцевских патриотов.

Нет, я ничего не преувеличил в своём рассказе. Я передал одни лишь факты, ничем не украшая их, и всё равно это не умерило живого интереса к лесным невидимкам. Слухи о них мгновенно разнеслись, стали крылатыми и уже перелетают из дома в дом. Я получаю письма. Мне

задают много вопросов. Все хотят знать:

а) Куда делась чёрная овчарка и почему больше никогда она не была с ребятами?

б) Что происходило в лесу с компасами?

в) Какая причина заставила лесных невидимок покинуть «Болотный замок» и куда перебазировали они свою «фабрику»?

г) Кто запустил в мою комнату воздушный шарик с загадочной восьмёркой и как объяснить весь этот топографический ребус?

д) Зачем, с какой стати, спасатели Серёжи надевали маски?

е) Для чего невидимки занимались изготовлением почтовых ящиков?

Честное пионерское, в алфавите не хватит букв, чтобы поименовать все «волнующие» вопросы. Но я терпеливо переписал их и послал невидимкам. Отвечайте скорей! Меня терзали ленинградские ребята. Они не дают мне покоя.

И вот... я получаю толстенное заказное письмо. Одних марок наклеено на четыре рубля восемьдесят копеек. Я радуюсь и веселюсь, потому что это письмо из Званцева. Ура! Лесные невидимки приветствуют меня и желают здоровья. Мне дорого сердечное письмо званцевских ребя-

тишек, но ещё дороже то, что они прислали мне в огромном конверте. Это — дневник лесных невидимок, под названием «Зелёная книга». В ней рассказ о том, что вы уже знаете, ответы на «волнующие» вопросы и взгляд в будущее — мечты и планы лесных невидимок. В ней — история зарождения этого дружного боевого коллектива. Его организации помог простой случай. Дело в том, что хотя званцевский почтальон — Верочка Зимацкая — девушка крепкая и сильная, хорошая спортсменка, но даже ей очень трудно приходилось работать весной и осенью. Помехой являлись сезонные распутицы, вешние воды, грязь, тающие снега. Трудность работы усиливалась тем, что почтальону надо было заходить в каждый сад, огород, двор, и всё потому, что ящики для писем висят на крыльце дома. Как было бы удобно, сколько бы времени сэкономил почтальон, если бы ящики для писем висели на улице у калиток и ворот дома. Но старые ящики не годились для этой цели. Требовалась новая модель — с предохранительными козырьками от непогоды. Вот о чём думала не раз Верочка Зимацкая. Как-то она поделилась своими мыслями с братом. Ученик восьмого класса Миша Зимацкий, узнав о затруднениях

сестры, предложил своим товарищам (а среди них были и тимуровцы) соорудить удобные ящики. Вот тут-то и разыгралась у ребят настоящая тимуровская фантазия — почему бы вообще не помочь благоустройству посёлка? Но только так просто делать ведь неинтересно. Вот напустить бы изрядную долю загадочности да таинственности...

Идея увлекла ребят. Среди них оказались и маляры, и плотники, и слесари — мастера на все руки. Был, конечно, и инструмент. Даже старый верстачок нашли. Но вот где всё это тайно приспособить, чтобы никто не знал? Так был выбран «Болотный замок». Он подходил для маскировки. Надо было постараться, чтобы хоть на первых порах званцевцы не узнали невидимок. Вот почему и «утопленника» Серёжу откачивали замаскированные незнакомцы. Иначе бы Серёжа увидел, что все его спасители — знакомые ребята. Невидимки маскировались ловко. До последних дней им удалось сохранить в своих операциях загадочность. Их могла выдать только чёрная овчарка. Хозяином этой отлично дрессированной собаки был сын демобилизованного офицера. Семья майора жила в Званцеве первый год. Я, разыскивая невидимок, всё время удивлялся — почему мне не удаётся никогда встретить чёрную овчарку. Но, оказывается, что кличка «Артист» дана собаке не случайно. Умного пса пригласила студия «Ленфильм» сниматься в новой картине. В тот день, когда я впервые приехал в Званцево, талантливый Артист уже играл свою роль перед объективами киноаппаратов.

Эвакуация «фабрики» невидимок из «Болотного замка» произошла по моей вине. Это я спугнул ребят, о чём очень сожалею, так как доставил ребятишкам безусловно

много хлопот. Видя, что их местопребывание открыто, невидимки принуждены были спешно покинуть «замок» и перебазировать свою мастерскую на новое место. Юных умельцев и их несложное техническое оборудование приютила теперь старая банька на даче Зимацких. Но, кажется, перемена адреса «фабрики» оказалась как нельзя более кстати. Не за горами была осень, а за ней зима. В такое время года отдалённость «Болотного замка» от посёлка могла вызвать ряд затруднений и неудобств.

Все, вероятно, догадались, что воздушный шарик с запиской — это «работа» молчаливого Кости. Он запустил в комнату этот маленький аэростат с запиской при попутном ветре, через балкон. Но что означает загадочная восьмёрка? Этой цифрой обозначен большой участок леса, окружённый болотами и имеющий конфигурацию восьмёрки. Здесь я бесцельно крутился по болотной обочине, словно увлекаемый лешим, приходил всё на одно и то же место. Здесь я вяз в трясине и был брошен на произвол судьбы ошалевшими от магнитной аномалии компасами. Для чего же прислали мне невидимки эту восьмёрку? Они прислали её как доказательство своей осведомлённости о том, где я был.

Бурные танцы компасной стрелки давно привлекали внимание ребят. Наконец лесные невидимки решились и написали письмо начальнику совнархоза. На место прибыли геологи, которые обнаружили на большом участке залежи железной руды.

Итак, на месте «восьмёрки» лежат древние железорудные клады! Прекрасно! Теперь нечего горевать «одиноким пилигримам, лишённым экскаватора и землечерпалки». Скоро землеройные мо-

гучие машины пойдут, грохоча, по окраинам посёлка. А бульдозеры и грейферы станут готовить ложе для будущей шоссейной дороги. Она будет вечной, железобетонной, изумрудно-голубого цвета.

Кажется, что у лесных невидимок нет больше никаких дел. Всё сделано! Ничего подобного!

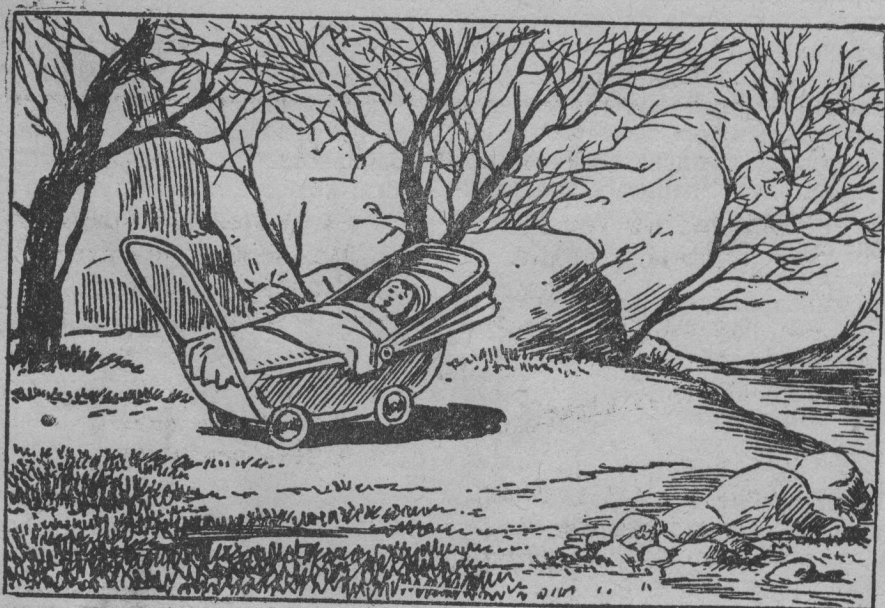
Я читаю в «Зелёной книге», что по призыву лесных невидимок званцев-

ские школьники участвовали в новой операции, под названием «Садо-виноградо». Недалеко от станции на вырубках ребята корчевали пни. Здесь осенью будет посажен великолепный школьный сад. Весной юные мичуринские яблоньки зазеленеют. А когда они в мае зацветут, мы приедем в Званцево полюбоваться на весенний белый сад. Мы приедем непременно!

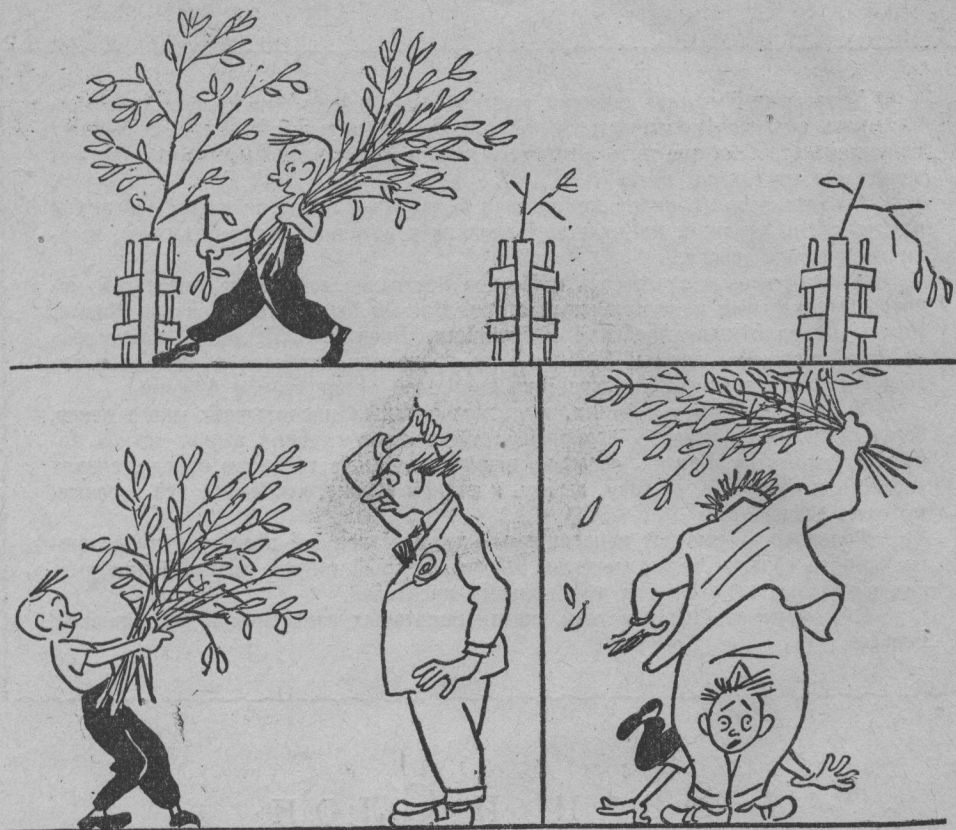
Где няньки?

(Загадочная картинка А. Илючека)

У папы день рождения

(Рассказ в рисунках М. Бекташева)

ЗАГАДКИ

Морщинистый Тит
Всю деревню веселит.

(Чномрѣ Т)

Сам пустой, голос густой,
Трель выбивает,
Всех созывает.

(Барабан)

Стоит дом,
Войдёшь в него слепым,
А выйдешь зрячим.

(Школа)

Сто маленьких братьев,
Меж собой они равны.
Угадай, кто они?

(Листы в тетради)

Грамоты не знаю,
А весь век пишу.

(Карандаш)

Сказки народов Азии и Африки

3 А последний период времени многие народы Азии и Африки освободились от гнёта колонизаторов, обрели свободу и независимость. В бывших колониях, ставших на путь независимости и самостоятельности, расцветают экономика, культура, литература.

Азиатские и африканские деятели культуры, писатели горят желанием помочь своим странам, которые ещё недавно угнетались колонизаторами, выйти на светлую дорогу.

В июне месяце этого года в Москве проходило совещание писателей некоторых азиатских и африканских стран. На нём были представители Индии, Китая, Объединённой Арабской Республики, Японии, СССР. Они обратились ко всем писателям Азии и Африки с предложением провести в октябре этого года в городе Ташкенте Конференцию писателей стран Азии и Африки.

У народов Азии и Африки, культура которых насчитывает много веков, богатый фольклор, мудрое, прекрасное, уходящее в глубину веков, устное народное творчество. Сказки, легенды, песни, созданные талантом народа, славят доблесть и мужество, свободу, любовь к родной стране, воспевают всё хорошее, честное, доброе.

Фольклор — это тот неиссякаемый художественный родник, откуда можно черпать образы, темы, сюжеты, мысли, который питает произведения многих передовых азиатских и африканских писателей.

В этом номере мы печатаем сказки некоторых азиатских и африканских народов.

Заяц и Слон

(ИНДИЙСКАЯ СКАЗКА)

В ДЖУНГЛЯХ у небольшого светлого озера жили зайцы. Никто их здесь не тревожил, так как лес был густой-прегустой и дорог к озеру не было. Они прорыли себе в песчаных склонах глубокие норки, а на золотом берегу играли, кувыркались и грелись на солнышке.

Но вот однажды к ним на озеро забрёл Шакал. Сидя на берегу, он терзал дохлую рыбу, раскидывая кругом себя чешую, рыбы внутренности и кости. Заяццам это было, конечно, неприятно, но ссориться с Шака-

лом они побаивались. Однако среди них был один заяц очень смелый и даже дерзкий. Он вдруг как закричит на Шакала:

— Убирайся отсюда! Не смей здесь, на чистом берегу, мусорить!

Шакал даже кусок изо рта выронил:

— А ты кто такой, скажи, пожалуйста?

— А кто бы я ни был — тебе какое дело? — отвечал Заяц. — Уходи сейчас же — иначе тебе худо будет!

Шакал озлился:

— Никуда я не пойду. И стану я всякого наглого зайца слушать!

Тогда тот вышел из себя, схватил рыбу за хвост и выкинул её в воду. Шакал онемел от изумления, а все остальные зайцы задрожали от страха.

Потом шерсть у Шакала встала дыбом, он оскалил зубы и вот-вот собрался броситься на дерзкого Зайца, но... передумал. Он всё-таки был трус и в драку никогда не лез. Он только прохрипел с угрозой:

— Это тебе даром не пройдёт, — и, поджав хвост, побежал в лес.

В лесу он сейчас же пошёл разыскивать царя зверей, старого, мудрого Слона. Он нашёл его на большой зелёной поляне, где владыка зверей мирно пасся в кругу своей семьи. Шакал пал перед ним на колени и склонил голову перед его хоботом.

— О мудрый владыка! — воскликнул он. — Из любви и уважения к твоему величеству я пришёл оказать тебе услугу. Вы, слоны, каждый день ходите на водопой. Но вы пьёте воду из заболоченной реки, где берега топкие и вязкие, а я могу тебе указать светлое озеро в лесу, где сухой, чистый песок подходит к самому берегу.

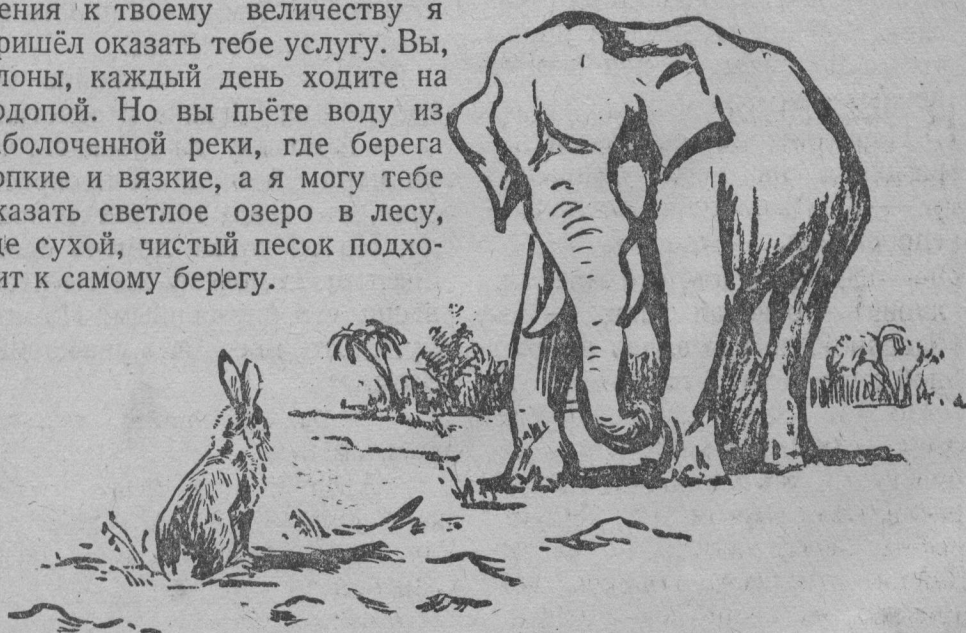
Слон благосклонно взглянул на Шакала (что было удивительно — он не любил шакалов) и промолвил только одно слово:

— Веди.

Затем, подняв хобот, он коротко протрубил. И все слоны тронулись за ним, разрывая по пути лианы, ломая кустарник и опрокидывая стволы деревьев.

Придя к озеру, они напились всласть, а затем искупались. Но когда слоны ушли, что они оставили после себя! Сами зайцы вовремя разбежались, но их золотой берег невозможно было узнать. Слоны своими огромными толстыми ножищами растоптали все их норки, а ровный прибрежный песок весь был в глубоких рывинах и ухабах.

Зайцы замерли в беспредельном отчаянии. Вдруг из лесу выскочил дерзкий Заяц. Он слонов не застал, так как бежал к одному своему приятелю по делу.

— Взгляни, что произошло! — закричали ему зайцы хором. — Посмотри, что натворили слоны! Что же нам теперь делать? Куда нам деваться?!

Дерзкий Заяц оглянулся, подумал с минуту и сказал:

— Ну и что? Успокойтесь. Утро вечера мудренее. Завтра я поговорю с владыкой-Слоном.

Те закричали:

— Ты сумасшедший! Слон только на тебя дунет, и от тебя следа не останется.

— А это мы ещё посмотрим! — ответил им смельчак.

Но он всё-таки очень волновался и всю ночь не спал. Однако на следующее утро он уже стоял на высоком камне, когда слоны подходили к озеру. Как раз у них на дороге. Его нельзя было не заметить и в то же время растоптать тоже было невозможно.

— Мудрый владыка-Слон! — закричал Заяц дрожащим голосом. — Выслушай меня без гнева. Я посланник. А послы, ты сам знаешь, неприкосновенны.

Царь зверей остановился и взглянул на него удивлённо.

— Кто же тебя послал? — спросил он.

— Заячий царь, что живёт на луне, — отвечал Заяц. — Ты, наверное, не раз видел на светлой луне тёмные пятна? Это те-

ни от особы заячьего царя и его войска. Это сильный и могучий царь. Он возмущён тем, что вы здесь, на берегу, разрушили наши заячьи норы. И он приказал, чтобы вы, слоны, отсюда уходили и никогда больше не возвращались. Иначе он пойдёт на вас войной и всех вас уничтожит. А затем он просил передать тебе поклон и пожелать здоровья.

Старый мудрый Слон, немного помолчав, промолвил:

— Хорошо, мы уйдём и больше не придём. — И с этими словами повернулся и пошёл обратно в лес, а за ним — все остальные слоны.

Но когда об этом узнал Шакал, он задрожал от ярости. Он бросился к царю зверей и, пав перед ним на колени, завопил:

— О мудрый владыка! Как ты мог быть так легковерен! Как ты мог дать себя обмануть презренному Заяцу! Ведь никакого заячьего царя не существует! Это всё выдумки. Он просто наглый врун, этот Заяц.

Владыка-Слон спокойно посмотрел на Шакала и ответил:

— А почему ты думаешь, что он меня обманул? Я прекрасно знал, что Заяц говорит неправду. Но он хотел помочь своим братьям. И почему же ты называешь его презренным? По-моему, это весьма уважаемый Заяц.

Хозяин лодок и горец

(БИРМАНСКАЯ СКАЗКА)

ЖИЛ-БЫЛ однажды хозяин лодок, и был он такой жадный, что всегда выманивал у своих лодочников их жалованье. Путь вниз по реке Ирравади и обратно продолжался два или три месяца, так что жалованье было немалое. Хозяин кормил своих людей во время пути, а жалованье выплачивал только в самом конце. Однако в последний день хозяин всякий раз пускался на какую-нибудь хитрость, и кто оказывался легковерным, тот обязательно лишался своей платы.

Однажды среди лодочников появился горец, на вид весьма простоватый. Он был искусным работником, но говорил мало и держался в стороне от товарищей. Поэтому никто не предупредил его о повадках хозяина. Когда лодки достигли Нижней Бирмы и должны были ехать обратно вверх по реке, хозяин сказал горцу:

— Почему бы тебе не купить петуха? В Верхней Бирме петухи на

вес золота, а здесь их можно даром купить.

Лодочнику понравился такой совет. Вот он и купил себе петуха, надеясь выгодно продать его в Верхней Бирме. Лодки двинулись в обратный путь. Горец каждый день кормил своего петуха рисом с хозяйской кухни. Хозяин это видел, но молчал. А в последний день пути подошёл к горцу:

— Послушай, любезный, известно ли тебе, что по нашему условию я подрядился во время пути кормить тебя, но вовсе не обязан кормить твоего петуха? Однако ты каждый день кормил его моим рисом. Теперь я должен предъявить тебе счёт.

— Что ж, — отвечает горец, — я готов платить.

— За прокорм петуха ты должен ровно столько, сколько заработал, — сказал хозяин. — Поэтому я не выплачу тебе жалованья.

— Правильно, — отвечал горец, даже не пытаясь протестовать.

Остальные лодочники насмеялись над ним и приговаривали: «Ну и простак же эти горцы!»

Горец вернулся домой и изготовил два ножа. Ножи были необыкновенной формы, но походили друг на друга как две капли воды. Потом он отправился к хозяину и сказал:

— Я хочу наняться ещё на одну поездку.

— Пожалуйста, — радостно отвечал жадный хозяин. Он надеялся снова выманить у простака жалованье.

Лодки двинулись в путь, и все лодочники стали смеяться над горцем:

— Что, надеешься снова петуха купить?

— Этого я не знаю, — отвечал горец, — я только знаю, что эта поездка будет удачнее прошлой, потому что отец дал мне на дорогу свой волшебный нож.

И он показал им один из своих ножей. Второй нож он запрятал у себя под одеждой.

— А что твой нож может сделать? — со смехом спросили лодочники.

— Не знаю, что он может сделать. Знаю только, что это волшебный нож.

Всю дорогу вниз по реке горца дразнили волшебным ножом, но он не обращал никакого внимания на насмешки. Наконец лодки дошли до Нижней Бирмы и поплыли обратно. Однажды вечером остановились они возле одной деревни, и горец начал точить свой нож о борт лодки. Только принялись лодочники снова дразнить горца и только он собрался им ответить, как вдруг нож выскользнул у него из рук и упал в воду.

— Ничего, — говорит горец, — я заметил это место и теперь могу в любое время нырнуть и достать нож.

— Мы ведь сейчас уедем! — воскликнули лодочники. — Неужто ты думаешь, что твой волшебный нож будет плыть под водой за лодками?

— Этого я не знаю, — отвечал горец. — Я только знаю, что отметил на борту это место и теперь в любое время могу нырнуть и достать нож.

Лодочники решили, что не стоит тратить время на споры с упрямым. Но жадный хозяин подумал, что это сам бог посылает ему возможность выманить у горца его жалованье.

— Послушай-ка, любезный, — сказал он горцу, — давай с тобой поспорим. Завтра мы остановимся возле другой деревни — в нескольких милях вверх по реке. Если ты нырнёшь и достанешь нож, то я отдам тебе все мои лодки. А если нет, — ты теряешь всё своё жалованье.

Горец посмотрел на него удивлённо и сказал:

— Не понимаю, зачем тебе спорить. Ты же знаешь, что я достану нож. Я ведь отметил на борту место, с которого он упал.

— Ничего не поделаешь, — отвечал хозяин. — Такой уж я любитель спорить.

— Ну, раз так, я готов, — отвечал горец, не обращая внимания на хохот своих товарищей.

На другой день они остановились возле назначенной деревни, и тут все лодочники сказали:

— Ну, брат, теперь ты попался! Нырять-ка за своим ножом!

Горец внимательно посмотрел на свою отметину и прыгнул в воду. Под водой он вынул нож из-за пазухи и выбрался на поверхность, размахивая им.

— Вот и нож, — сказал он.

Другие лодочники сказали:

— Прости нас за насмешки. Твой нож и в самом деле волшебный.

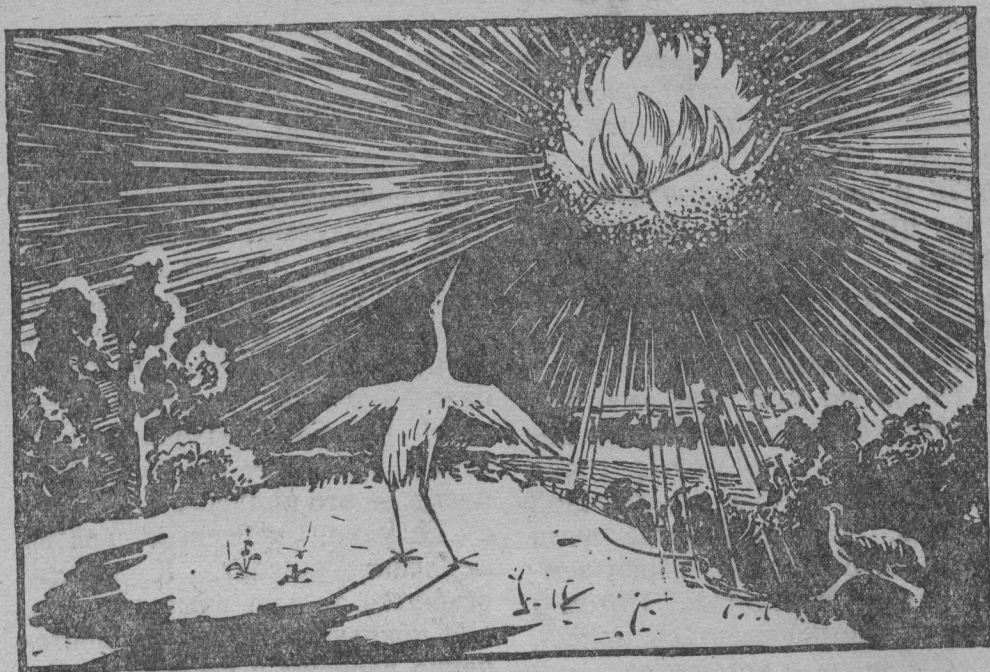
— Тут дело нечисто! — в ярости закричал хозяин.

— Этого я не знаю, — отвечал горец. — Ведь я же тебе сразу сказал, что этот нож волшебный и что я его достану.

Хозяин долго протестовал, но в конце концов ему пришлось отдать все свои лодки горцу.

Как появилось солнце

(АВСТРАЛИЙСКАЯ СКАЗКА)

ДАВНЫМ-ДАВНО никто не знал, что такое солнце, потому что солнца не было. Только луна и звёзды озаряли землю своим мерцающим светом. Люди знали, что звёзды — это глаза великанов, живущих за облаками, а луна — лицо самого большого из них, хозяина и земли и неба. В те времена не было у людей ни стрел, ни копий, и звери совсем не боялись людей: вместе с ними спускались они к ручьям, чтобы напиться, рядом с людьми отдыхали в прохладной чаше. И птицы тоже были ручными: они сидели людям на ладони и ели с ними из одной чашки. Но не думайте, что они никогда не ссорились.

Однажды журавль и эму — две длинноногие птицы — от-

правились побродить по равнине. Но у эму ноги были вдвое длиннее, и журавль еле поспевал за своим компаньоном. Журавлю это показалось обидным, он стал просить эму не торопиться. Но эму никак не мог сдержать свои быстрые ноги. Тогда журавль рассердился и стал осыпать товарища бранью. Эму тоже рассердился и долбанул журавля своим твёрдым клювом. Завязалась драка. Пришлось журавлю обратиться в бегство. Но он решил отомстить обидчику и помчался к гнезду эму. Там он схватил одно из огромных яиц птицы и в ярости из всех сил подбросил вверх. Яйцо полетело прямо на небо и упало на хвост, который сложили в кучу трудолюбивые небесные великаны. Громко хруст-

нув, скорлупа лопнула, яркий желток вытек, и хворост вспыхнул горячим пламенем. С непривычки и звери и люди чуть не ослепли, такой яркий свет разлился по равнине, а великан — хозяин земли — проснулся. С удивлением он посмотрел на землю, потом посмотрел на небо и очень обрадовался, потому что мир стал прекрасней вдвое.

— Вот это мне по душе! — закричал великан. — Пусть будет так каждый день!

Но он не знал ещё, как это сделать. И стал следить за костром. Весь день костёр горел очень ярко, но к вечеру стал угасать. Только красные угли тлели за облаками, озаряя землю багровым светом. Потом и угли стали покрываться золою, они чернели и остывали.

— Плохо дело! — сообразил великан. — Если все угли погаснут, нам завтра уже не разжечь костра.

Он подкрался, схватил один уголёк и укутал его чёрной тучкой. Ночь опустилась на землю.

— Помощники, за работу! — приказал великан.

Тотчас же тысячи звёзд загорелись на небе. Это откликнулись на зов хозяина младшие великаны.

Всю ночь они собирали хворост. Когда же куча выросла величиною с гору, хозяин бросил в неё уголёк и вместе с братьями принялся дуть на него — и по земле пронёсся предрасветный ветер. А уголёк краснел и краснел, он становился всё ярче, и вдруг блеснуло белое пламя. Хворост вспыхнул, и

небесный костёр снова озарил светом землю.

Тогда люди на земле проснулись и сказали:

— Смотрите, в небе снова пылает солнце!

С тех пор каждую ночь бродят по небу великаны со своим белолицым хозяином. Всю ночь они собирают хворост и каждое утро раздувают небесный костёр солнца. Сперва алеет маленький уголёк — и мы говорим: занялась заря. Потом с ветки на ветку весело пробегает белое пламя — и мы говорим: светает! Костёр вспыхивает, разгорается, пляшет в небе буйное пламя — это полдень. А начиная с полудня, небесный костёр медленно угасает. К вечеру остаются только алые угольки, они покрываются золою, постепенно чернеют и гаснут. Но никогда великан не забывает спрятать до утра один уголёк и укутать его чёрной тучкой — иначе нечем будет зажечь костёр солнца.

А чтобы люди заранее знали, что скоро в небе зажжётся весёлое солнце, великан ещё до рассвета высылаёт вперёд своего младшего брата. Он смотрит на землю своим единственным голубым глазом, и, увидев его, на земле говорят:

— Это утренняя звезда! Вставайте, скоро появится солнце.

И раньше всех видит эту звезду неугомонный петух. Он машет крыльями и громко кричит: ку-ка-ре-ку! — будто смеётся от радости.

И как ему не радоваться, если солнце приносит всем и тепло и жизнь.

Умный Зайчонок

(СКАЗКА НАРОДА КХМЕР-КАМБОДЖА)

ПОНАЧАЛУ бог Пра создал небо, землю, людей и зверей.

Потом он создал множество различных вещей, а людям дал три цвета кожи. Одним — белый, другим — жёлтый или чёрный.

В те далёкие времена звери умели говорить между собой. Они прекрасно понимали друг друга.

Вот тогда-то появился заяц.

Когда заяц был ещё маленьким, он часто резвился на берегу голубого озера.

Многие звери и птицы ходили на озеро пить чистую воду.

Однажды Зайчонок отправился поиграть на берег.

На самом берегу росло огромное тенистое дерево. Его густые ветви отражались в прозрачной воде.

Но вот пришли люди и срубили дерево, чтобы выдолбить из него длинную узкую лодку — пирогу.

От дерева остался большой гладкий пенёк. На нём выступили крупные золотистые капли смолы.

Зайчонок взглянул на пенёк и решил на нём посидеть.

Едва он уселся поудобнее, как густая смола крепко-накрепко приклеила его к пню.

Скоро Зайчонку захотелось побегать по лесу и он собрался прыгнуть на землю. Но не тут то было! Как он ни старался оторваться от пня, у него ничего не выходило. Зайчонок только беспомощно шевелил ушами.

Очень испугался длинноухий. Со страхом думал, что придётся ему умереть на этом пне.

Но Зайчонок был неглуп и стал размышлять, как ему выбраться из беды.

Закрыв глаза, чтобы птицы, прилетевшие напиться, не мешали ему, Зайчонок думал и думал...

В это время из лесу вышел Слон. Он медленно шёл к озеру. Слону очень хотелось пить. Было очень жарко.

Услышав шум тяжёлых шагов, Зайчонок открыл глаза.

«Вот кто спасёт меня!» — подумал про себя Зайчонок и громко закричал:

— Эй, Слон, не смей пить воду! Это моя вода!

Но Слон как будто ничего и не слышал. Он стал набирать хоботом воду.

— Разве ты не видишь, для чего я сижу здесь! — продолжал кричать Зайчонок. — Я охраняю воду. Без моего позволения никто её не пьёт. А ты пьёшь слишком много! Уходи! Слышишь, сейчас же уходи!

Но Слон, не обращая внимания на кричавшего зайчишку, жадно пил и пил.

— Ах, ты не слушаешься! — шумел длинноухий. — Тогда я оторву тебе хобот и вырву твои клыки!

— Хо-хо-хо! Хо-хо-хо! — захохотал Слон, наконец утоливший жажду, и начал обливаться из хобота водой.

— Оторву хобот! Вырву клыки! — упрямо твердил Зайчонок.

— Что ты там болтаешь! — добродушно фыркнул Слон. — Я пил и буду пить воду из озера.

— Ну, Слон, значит, ты ничего не понял! — воскликнул Зайчонок. — Если ты сделаешь ещё хоть один глоток, я растопчу тебя! — пригрозил он.

Презрительно взглянув на воинственного Зайчонка, Слон пробормотал: — Чересчур дерзок этот малыш!.. Он мне угрожает! Ну и хвастунишка! Ну и болтун! Ведь стоит мне только наступить на него...

И Слон подошёл к пню, крепко схватил своим сильным хоботом Зайчонка, приподнял его и бросил в траву.

— Убирайся-ка вон с моих глаз! Да поскорее! — усмехнулся Слон. — И впредь не болтай глупостей!

Счастливым Зайчонок стремглав понёсся в лес, — только его Слон и видел!

Но на гладком пне остались кончик заячьего хвостика и кусочек шёрстки, крепко прилипших к дереву.

С тех пор у всех зайцев короткие хвосты, а сзади всегда белая шёрстка. Эта белая шёрстка выросла на месте плешинки у хитрого Зайчонка, спасённого могучим Слоном.

К о н е ц с в е т а

(ТУРЕЦКАЯ СКАЗКА)

По всей Турции знали Ходжу Насреддина. Его шуткам все люди смеялись, а у себя в деревне Ходжа был общим любимцем.

Вырастил однажды Ходжа славного барашка. Второго такого ни у кого не было.

— Ну и вкусное же будет из него жаркое! — говорили крестьяне.

Понравился этот барашек и двум богатым парням, которые жили с Ходжой по соседству. Вот и задумали они полакомиться бараниной за чужой счёт. Но нельзя же прийти к Ходже и отнять барана: вся деревня заступится за Ходжу Насреддина. Решили парни пуститься на хитрость. Приходят к Ходже и говорят:

— Знаешь, Ходжа, завтра наступит конец света: звёзды падают с неба, а земля провалится.

— Откуда вы знаете?

— А нам рассказал об этом один звездочёт. Он человек учёный и говорит только правду.

Задумался Ходжа. А парни перемигнулись друг с дружкой и предлагают:

— Давай, Ходжа, попируем напоследок. Пойдём с утра завтра в поле, погуляем, а потом съедим твоего барашка.

— Ладно, — нехотя согласился Ходжа, — лучше барашка съесть,

чем ни за что потерять. Всё равно все пропадём.

На другой день нарядились парни в праздничные дорогие халаты и чуть свет вышли с Ходжой из деревни. И барашка с собой захватили. Дошли до ручья, уселись в тени раскидистого платана.

— Ну что ж, — говорит парням Ходжа Насреддин, — вы помоложе, побегайте, погуляйте, полюбуйтесь в последний раз на нашу прекрасную землю, а я — постарше, я буду готовить завтрак.

Согласились парни, принялись бегать наперегонки. А Ходжа набрал щепок, развёл костёр, зарезал барашка и стал жарить его над огнём.

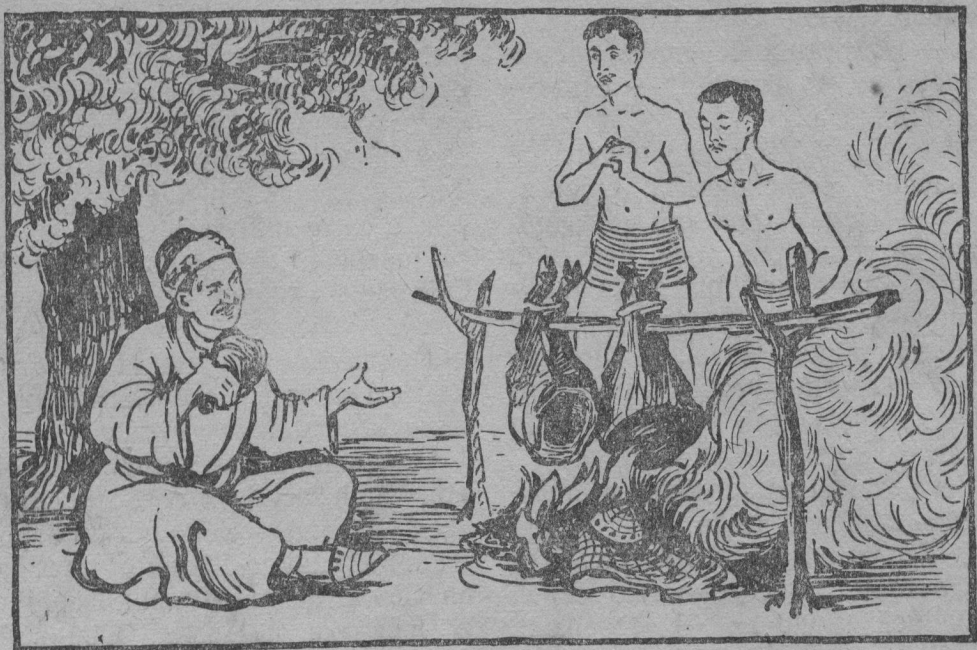
Набегались парни, вернулись:

— Ну что, Ходжа, завтрак готов?

— Нет ещё. Ступайте к ручью, искупайтесь.

Сбросили парни с себя одежду, побежали к ручью купаться. Шалят в воде, радуются, что так ловко они провели Ходжу. А Ходжа как ни в чём не бывало барашка жарит. Смотрит — плохо подрумянивается жаркое, а щепки уже догорают. Тогда он взял халаты парней и бросил в костёр. Сразу дело веселее пошло. А потом побросал в огонь и туфли и фески. Ну и знатно же поджарился барашек!

Кричит Ходжа:

— Пожалуйста кушать!
Высочили парни из воды, а халатов нет.

— Эй, Ходжа, а где же наша одежда?

— А зачем вам одежда, — развёл руками Ходжа, — если сегодня земля провалится? — И указал рукой на костёр, где тлели ещё лоскутки шёлка. — Садитесь-ка рядом и закусите со мною в последний раз!

Ни слова в ответ не сказали без-

дельники, сели завтракать. Ах, какой был нежный барашек, какой жирный, какой сочный! Но парни и куска проглотить не могли, так жалко им было своих дорогих халатов. Один только человек ел с большим аппетитом. Это был сам Ходжа. Так и съел хитрец целого барашка.

Надолго запомнили парни, что такое конец света. И никогда больше не шутили над смышлёным Ходжой Насреддином.

Цапля и Черепаха

(СКАЗКА НЕГРОВ КОНГО)

ЦАПЛЯ и Черепаха были большими друзьями. Но однажды они поссорились. И вот как это случилось.

У Черепахи родилась дочка — маленькая кругленькая черепашка. Мама-черепаха была очень счастлива и пригласила своих друзей полюбоваться дочкой. И первое приглашение получила, конечно, Цапля.

Цапля не заставила себя просить и тут же зашагала своими длинными ногами к черепашьему домику. По дороге ей встретилась Обезьяна — зацепившись хвостом за ветку высокого дерева, она раскачивалась в воздухе. Надо сказать, что звери недолюбливали Обезьяну, считая её завистливой и сплетницей.

— Здравствуй, Цапля! Куда идёшь? — спросила Обезьяна.

— В гости к Черепахе, посмотреть на её малыша, — ответила Цапля.

— Как?! Ты разве ничего не знаешь? — вскричала Обезьяна. — Ведь маленькая черепашка, не успев родиться, серьёзно заболела! К ней приглашали лекаря — самого Носорога, и он велел старой Черепахе добыть твой клюв и приготовить из него лекарство! Для этого-то тебя там и ждут!

Обезьяна захихикала и скрылась в лесной чаще.

Цапля очень огорчилась коварством и жестокостью своей лучшей подруги — Черепахи. Постояв в раздумье на одной ноге, она тяжело вздохнула и, опустив голову, вернулась к себе домой.

Шли дни. Черепаха всё ждала Цаплю и, не дождавшись её, решила сама пойти её проведать. Вышла Черепаха на рассвете, чтобы к вечеру добраться до болота, где жила Цапля, — ведь черепаха ходит медленно.

Ползёт Черепаха своим путём, а навстречу ей та же самая зловредная Обезьяна.

— Ты куда, Черепаха? — спрашивает Обезьяна.

— Хочу навесить Цаплю, что-то давно её не видно, — ответила Черепаха.

— И не показывайся к Цапле! — завопила Обезьяна. — Она только и ждёт тебя, чтобы отрезать у тебя кончик хвоста и приготовить из него лекарство для своего заболевшего птенца! Так велел сделать Цапле Носорог, я сама за ним бегала!

Поверила Черепаха злой Обезьяне и повернула обратно к дому.

Прошёл целый год. И всё это время Цапля и Черепаха не желали видеть друг друга.

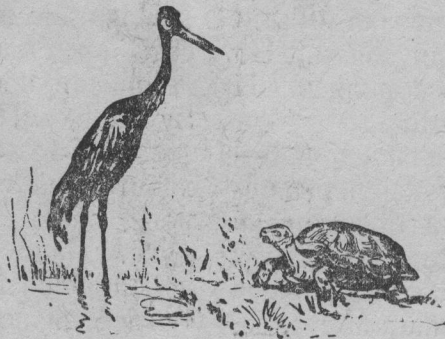
Однажды старый мудрый Бóрон пригласил к себе в гости всех зверей — Бóрону в этот день стукнуло ровно двести пятьдесят лет. Пришли к Бóрону и Черепаха и Цапля. Они всё время хмурились и даже не смотрели друг на друга.

— Что случилось? Почему вы поссорились? — удивлялись все присутствующие.

Цапля не выдержала и расплакалась от обиды. Сквозь слёзы она рассказала о своей встрече с Обезьяной. После этого и Черепаха рассказала о встрече с завистливой лгуньей. Все звери были очень возмущены.

И, конечно, тут же Цапля и Черепаха помирились. Они решили больше никогда не верить сплетням, а верить только своей дружбе.

Теперь уже никто не сможет поссорить их!

Как Газель наказала Крысу

(СКАЗКА НЕГРОВ КОНГО)

ГОЛОДНАЯ Газель бродила по лесу в поисках пищи. Подойдя к высокой пальме, она увидела под самой верхушкой дерева гроздь сочных, спелых кокосовых орехов.

«Как жаль, что мои копытца мешают мне залезть на дерево, — подумала Газель. — Что же делать? Пойду-ка я к моей приятельнице — пальмовой Крысе. Она достанет орехи, и мы с ней вкусно поедим».

Крыса грелась на солнце, когда её разыскала Газель.

— Я видела пальму, на которой растут кокосовые орехи! — сказала Газель. — Если ты обещаешь со мной поделиться, я покажу тебе это дерево.

— Как ты можешь сомневаться в моей честности?! — обиделась Крыса. — Конечно, я поделюсь с тобой! Идём скорее, покажи мне пальму.

Газель привела Крысу к пальме. Крыса тут же взобралась на дерево и стала своими острыми и сильными когтями срывать орехи и поедать их.

— Сбрось же и

мне немного орехов! — взмолилась Газель. — Ведь ты обещала мне!

— Когда я ем, я ничего не слышу, — невозмутимо ответила Крыса, продолжая жадно пожирать орехи.

Газель ещё несколько раз просила Крысу, но та не обращала на неё никакого внимания.

Тогда Газель рассердилась и решила проучить Крысу. Собрав листья, сухую траву и веточки, Газель разожгла у подножья пальмы костёр. Крыса тем временем, съев все орехи, захотела

спуститься на землю. Но ей мешал огонь, и дым разъедал ей глаза.

— Милая Газель, прошу тебя — потуши костёр! — сладко сказала сытая Крыса.

— Когда я греюсь у костра, я ничего не слышу! — ответила Газель и подбросила в костёр охапку сухой травы.

Дым повалил ещё гуще, и Крыса, задохнувшись, тяжело шлёпнулась на землю.

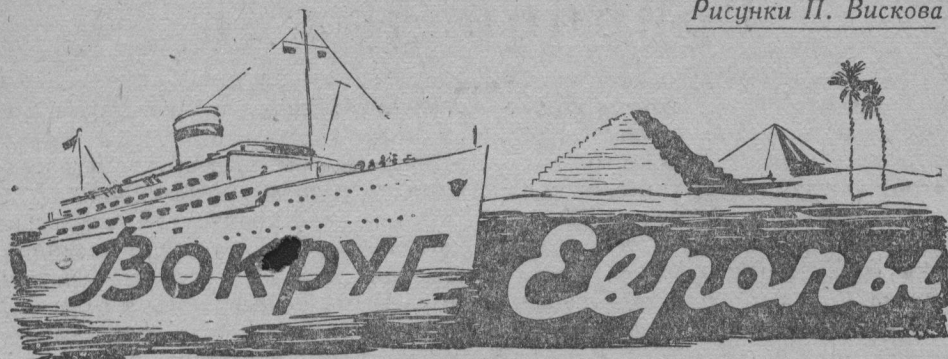
Если ты даёшь обещание, — всегда выполняй его. Иначе ты уподобишься крысе.

Грибной дождь

(Рассказ в рисунках К. Бекташева)

(Рассказ Ю. И. ГУСЕВА,
директора Фрунзенского университета)

В МАЕ-ИЮНЕ этого года мне в числе 750 советских туристов довелось совершить на теплоходе «Грузия» увлекательное путешествие вокруг Европы. Побывали мы в таких странах: Турция (город Стамбул), Греция (Афины и Пирей), Египет (Александрия и Каир), Франция (Гавр и Париж), Бельгия (Антверпен и Брюссель), Финляндия (Хельсинки). Весь этот дальний поход из Одессы в Ленинград продолжался 29 дней.

Вот теперь, сообщив эти необходимые сведения, я и хочу рассказать вам о некоторых своих зарубежных впечатлениях.

ГРЕКИ ИГРАЮТ ЛЕЗГИНКУ

С ТАМБУЛ — древнейший город. В средние века он назывался Константинополем и был столицей знаменитой Византийской империи. И сейчас он впечатляет туристов изумительными сооружениями прошлого. На площади Ат-Мейдан мы любовались обелиском Феодосия Великого — тридцатиметровым сооружением из розовато-серого гранита. А неподалёку от площади нас привлекло здание храма Святой Софии — другое замечательное творение византийского искусства. И стройные минареты многочисленных мечетей, и старый султанский дворец

Топкопы, построенный в XV веке, и новый дворец Долма Бахче, поражающий величием своих колонн, мраморных барельефов, золотых решёток (кстати, в этом дворце некоторое время жил выдающийся русский художник Айвазовский, написавший здесь несколько картин), — всё это дело рук искусных строителей и мастеров, которых и сейчас немало в Турции.

Но вот мы беседуем с турецкими рабочими, которые трудятся на стамбульских заводах и тоже создали немало ценностей. Они рассказывают нам, как нелегко им живётся. Мал заработков, дорога жизнь. То, что они зарабатывают, еле хватает на пропитание. Говорят все это как-то осторожно, поглядывая по сторонам...

И тут мы обращаем внимание, что помимо гида усердно следуют за нами по живописным улицам Стамбула какие-то подозрительные личности.

Народ, простые люди Турции относились к нам приветливо. Так, впрочем, было и во всех странах. Уже в греческом порту Пирее, куда мы отправились из Стамбула, нас встречала целая толпа, радушно приветствовавшая советских туристов. А на обеде в Афинах, который дал в честь нашего приезда Посол СССР в Греции Сергеев, случилось такое приятное «происшествие». Под звуки прекрасного оркестра перед нами выступили афинские артисты. Мы тоже ре-

шили не ударить «в грязь лицом» и показали свою самостоятельность. И вот когда стройный грузин-турист прошёлся по эстраде в зажигательной кавказской лезгинке, оркестр стал быстро «нащупывать» незнакомую ему мелодию — и вскоре лезгинка гремела вовсю! И русскому «яблочку» и украинскому «гопаку» аккомпанировали греческие музыканты. Было видно, как они старались, как сияли их лица — лица друзей!

«БАКШИШ — НЕ НАДО!»

И СНОВА «Грузия» в пути — по Средиземному морю, которое чарует всех нас несказанной своей красотой. В часы безмятежного покоя оно синего-синего цвета и особенно красиво перед заходом солнца — словно расплавленное золото плавает вокруг теплохода... Вот выскочила из воды, блеснув в солнечных лучах, летящая рыба, похожая на большую стрекозу, вот дельфин, резвясь, рассекает морскую гладь и снова уходит на глубину. И, словно соперничая с ним в забавах, огромная касатка бурно «финиширует» у самого борта «Грузии»...

Вдали показался египетский порт Александрия. И сразу же, на подходе к нему, пленительная картина моря резко изменилась. На нас пахнуло дыханием пронёсшейся здесь недавно войны: на рейде много затопленных кораблей, в порту — развалины строений, за ним — разрушенные дома. Следы зверских бомбардировок, которым подвергли город англо-французские колонизаторы, говорят о мужестве народа, сумевшего всё это вынести и одержать победу.

Встреча в Александрийском порту была, пожалуй, самой памятной из всех встреч. Горожане окружили нас плотным кольцом и скандировали по-русски: «Русс — хорошо! Насер — Хрущёв — хорошо!» Сквозь эту живую стену не было никакой возможности пробиться к поджидавшим туристов автобусам. Всё-таки египетская полиция организовала для нас в этой ликующей толпе нечто вроде коридора. По нему мы и пошли, на

ходу одаривая александрийцев различными сувенирами — открытками с видами Москвы и Ленинграда, советскими значками.

Наконец мы в автобусах и проезжаем по улицам Александрии.

Жара — 53 градуса. По мостовым стремительно мчатся автомашины новейших марок, и тут же свободно разгуливают верблюды и ослы. На каждом углу торгуют фруктами — апельсинами, бананами, кокосовыми орехами.

И вот здесь, в Александрии, у меня произошло несколько встреч с египетскими ребятами. Никогда не забыть мне такую сцену. Несколько мальчишек, темнокожих и белокожих, стремясь опередить один другого, буквально вырывают у меня из рук значки с изображением Ленина. Вглядевшись в это изображение, мальчишки сразу становятся серьёзными. Они благоговейно подносят значки к губам и целуют их. Потом гордо прикалывают к одежде...

В саду около одной из александрийских школ был и такой разговор с ребятами (нам помогал переводчик):

— Кем вы работаете в России?

— Директором одного из крупнейших ленинградских универмагов.

Школьники смотрят на меня с удивлением, и я, в свою очередь, тоже удивляюсь:

— Что ж тут необыкновенного?

Следует совершенно неожиданный для меня ответ:

— У нас тут было много англичан, управлявших магазинами. Но даже самый маленький из них, хозяин мелочной лавки, не стал бы разговаривать с нами так, запросто!

Позже я видел, как одно только слово «англичанин» вызывает у маленьких египтян отвращение: они размахивают руками, делают сердитые лица. Да и как этого не понять, если английские бомбы недавно свистели над головами этих малышей...

А ребята они чудесные. Расскажу вам хотя бы о таком трогательном случае. Когда через несколько дней на автобусах мы пересекли пустыню и приехали в Каир, одной из первых

экскурсий, организованной для туристов, была поездка к знаменитой пирамиде Хеопса.

Осмотрев пирамиду, мы уселись на верблюдов и отправились к соседним изваяниям — сфинксам. Замечаем, что среди поводырей, управляющих этими «кораблями пустыни», есть и взрослые египтяне и дети. Спрашиваем у одного из взрослых:

— Что ж эти ребята не учатся?

Поводырь гордо качает головой. Да будет нам известно, что по всей республике введено всеобщее обучение. Но жить ещё трудно. И вот некоторые мальчики по утрам занимаются в школе, а после занятий зарабатывают «бакшиш» — «на чай».

Приехав на место, немедленно начинаем расплачиваться с ребятишками за труды. Но те отступают назад, отрывательно мотая головами. Что такое? В тревоге прибегаем к услугам переводчиков. И выясняется, что эти ребята, дети беднейших родителей, не хотят брать от русских «бакшиш». Они рады услужить нам даром!

Честное слово, у многих из нас увлажнились глаза. Мы щедро одариваем наших маленьких и гордых друзей различными открытками и значками. Они благодарят нас, прижимают к груди подарки. Мы украдкой пытаемся всё-таки сунуть ребятам монеты, но мальчишки отскакивают в сторону...

Сама пирамида Хеопса нас поразила несказанно. Это гробница фараона — египетского царя, похороненного за 1000 лет до нашей эры. Смотришь на эту громаду, сложенную из огромных каменных плит, и удивляешься: какими же искусными и трудолюбивыми были люди, сумевшие в те далёкие времена без машин и подъёмных кранов возвести такое сооружение! Туристы осмотрели в Каире и роскошный дворец Фараука — последнего короля Египта, сброшенного с престола революцией. Нам даже показали окно, через которое он бежал, улепётая от народного гнева. Сейчас дворец по распоряжению президента Объединённой Арабской Республики Гамаль Абдель Насера

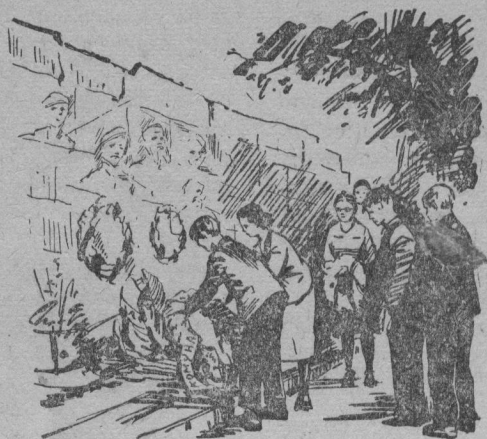

превращён в национальный музей — пусть его сокровища будут доступны народу!

ФРАНЦИЯ — И СНОВА МНОГО ПЕРЕЖИВАНИЙ!

ДА, уже на пути к французским берегам нам пришлось немало поволноваться. Во-первых, Средиземное море, так ласково проводившее «Грузию» до Александрии, теперь, видимо, решило показать, на что оно способно. Короче говоря, ударил шторм, да такой, какой я видывал только в фильмах с кораблекрушениями. Огромные волны, высотой с пятиэтажный дом, вставали перед теплоходом, его швыряло из стороны в сторону. Буря продолжалась несколько дней. «Грузию» не могли принять ни в один порт, так что уже пришлось экономить пресную воду. Что касается пищи, то она и так мало кому требовалась — почти все пассажиры, сугубо сухопутные люди, заболели «морской болезнью». Зрелище это малоинтересное, поэтому туристы пришли просто в восторг, когда бешеная качка кончилась, и снова море улеглось ласковым и улыбающимся у бортов корабля. Впрочем, сам теплоход не получил ни малейшего повреждения — так отлично он работает и так могучи его машины.

При подходе к французскому порту Гавр нас ждали новые переживания — теперь уже другого рода. Францию в те дни тоже «штормило» — народ защищал республику. Удастся ли нам в такой напряжённой обстановке осмотреть прославленные достопримечательности Парижа, одного из красивейших городов мира?

Но наши сомнения, как выяснилось вскоре, были напрасными. Простые люди Франции тепло встречали туристов из Советского Союза. Мы разговаривали с рабочими, с портовыми докерами, с шофёрами автобусов, продавцами магазинов, они любезно отвечали на все наши вопросы.

В Париже на кладбище Пер-Лашез, у стены, где похоронены расстрелянные в 1871 году коммунары, пассажиры «Грузии» возложили венок и цветы. И помнится мне одно замечание, сказанное при этом случайным прохожим:

— О, вы — русские! Только они так чтят героев Парижской коммуны! Спасибо!

Потом мы шагали по улицам Парижа. Это действительно прекрасный город с бесчисленными памятниками, высокими красивыми домами, легкокрылыми мостами, перекинутыми через Сену. И аромат цветущих каштанов и весеннее ясное небо — всё создаёт приподнятое настроение.

Но на улицах много полиции — город в те дни находился на чрезвычайном положении. Вот поэтому так угрюмы большинство прохожих. Мимо меня проходит пожилой рабочий с большими, мускулистыми руками, в кепи, надвинутом на лоб. Лицо его задумчиво и сурово. Нет, он не хочет, чтобы во Франции, за которую он сражался с гитлеровскими оккупантами, снова восторжествовал фашизм!

И, может быть, когда мы поднялись в лифте на верхнюю площадку

Эйфелевой башни — самого высокого сооружения Парижа, — не случайно нам сообщили, что на днях отсюда бросилась вниз, на мостовую, девушка. Знать, не улыбалась ей жизнь...

А на паперти Собора Парижской Богоматери нас поразило обилие нищих и множество безработных,

которых мы видели ночующими на скамьях. Причём, спят они, как говорится, только одним глазом — до прихода полицейского. Когда он приближается, мерно выстукивая каблуками, они вскакивают и садятся. Безногий инвалид — ногу он потерял на войне — уныло играет на аккордеоне, дожидаясь, когда в его шапку попадёт монетка. И тут же, на улице, художник — он нарисует ваш портрет безошибочно и мгновенно за небольшую плату. Только жаль — заказов нет...

А по мостовым летят роскошные автомашины новейших марок, за витринами универмагов — изобилие. Но покупателей — не то, что у нас, в Ленинграде, — очень немного. Слишком мал заработок рядового парижанина, слишком дороги товары!

Но для того, кто имеет деньги, в магазине приготовлено всё, что угодно. И совершенно сказочная любовь. Когда я зашёл в один парижский универмаг и пожелал разменять доллар, продавщица не замешкалась ни на минуту. Она взяла у меня доллар, вышла из магазина, обменяла на франки и, вернувшись, вручила мне их. И хотя я так ничего и не выбрал себе по вкусу, она самым любезным образом распрощалась со мной.

Впрочем, в другом магазине я приобрёл своему внуку игрушки — четыре пистолета, из которых один стреляет водой, другой — конфетами, третий — леденцами и четвёртый — пи-

стонами. И надо сказать, что это красивые и нарядные вещицы.

...Мы осмотрели многие достопримечательности Парижа: Елисейские поля — самый аристократический район города, живописный Монмартр, Версаль — бывшую резиденцию французских королей, прославленный на весь мир Лувр, где хранится огромное множество произведений искусства. Мы восхищались золотыми руками людей, создавших все эти памятники, дворцы, заводы, автомашины. И, прощаясь с простыми парижанами, ещё раз убедились в том, что и они уважают нас, советских людей. В те дни бастовали железнодорожники — поезда недвижно стояли на путях. Но когда представитель советских туристов попросил вывезти нас из Парижа в Гавр, где стояла у причала «Грузия», забастовщики ответили:

— Для русских мы не бастуем!

И вскоре экспресс с советскими туристами отошёл от парижского вокзала...

К РОДНЫМ БЕРЕГАМ

Через 12 часов плавания «Грузия» уже вошла в бельгийский порт Антверпен. И снова — тёплая встреча на набережной. В нашу честь даже зазвонили колокола, находящиеся поблизости, в городке Малин, откуда и пошло небезызвестное выражение «малиновый звон».

И вот мы в Брюсселе, на Всемирной выставке. Я не буду рассказывать о ней подробно. Девушка-гид, сопровождавшая нас, чистосердечно призналась:

— Ваш павильон — самый популярный на выставке. Даже жители нашей промышленной страны больше всего посещают его. А уж они-то понимают толк в хорошем!

Сообщу вам только несколько любопытных подробностей. В Советском павильоне выставлен огромный глобус диаметром около двух метров. На нём чётко и ясно вырисовываются

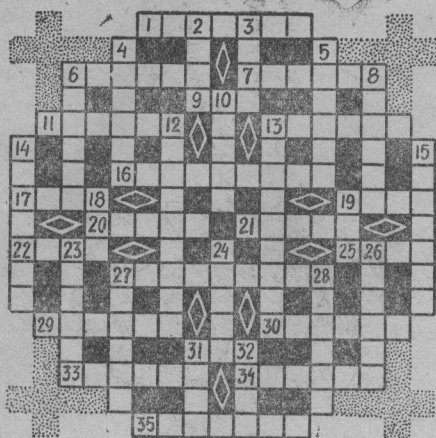
моря и океаны, материки и острова. Но самое главное, что он целиком из шоколада. Иностранцы, видимо, не верят этому — отламывают и отламывают кусочки. В общем, сейчас уже, наверное, шоколадные моря и океаны потеряли свои чёткие очертания и появились новые проливы и материки...

А в американском павильоне нам запомнились циклорама и многочисленные аттракционы. Циклорама — это последняя новинка кинотехники. Стоишь в зале, окружённом экраном, гаснет свет, и начинаются «чудеса». Со всех сторон на тебя мчатся поезда или автомобили, полное ощущение, что сейчас попадёшь под один из них, — в общем, ты участник событий, происходящих в фильме. А один из аттракционов американского павильона до сих пор навевает на меня страх: на движущейся площадке вы попадаете в тёмную комнату, где вам грозит пальцем мертвец, потом лев разевает перед вашим носом кровавую пасть... Бр-р! Впрочем, «русские горы» (у нас они когда-то были тоже и назывались «американскими») создают очень острые ощущения, но ничуть не страшные, не болезненные...

Мы осмотрели Брюссель, который называют маленьким Парижем. Он и впрямь нарядный и чистый город, расцвеченный сейчас флагами многих государств мира, представленных на Всемирной выставке. Побывали в Ватерлоо, памятном человечеству месте, где дал бесславное сражение Наполеон, мечтавший покорить весь мир, познакомились с другими достопримечательностями Бельгии. И «Грузия» отплыла в столицу Финляндии Хельсинки.

Оттуда наш корабль направился к родным берегам. И вот, приближаясь к ним, в виду золотых огней Ленинграда, каждый из нас как-то остро почувствовал, что, несмотря на все заморские чудеса, виденные нами и восторгавшие нас, сердцу дороже всего — родная земля.

Литературная запись Г. Князева.

По горизонтали. 1. Тропическое растение с красивыми листьями, разводимое в оранжереях и в комнатах как декоративное растение. 6. Растение из семейства лилейных, побеги которого употребляются в пищу. 7. Смелость, мужество. 9. Плот для причала спортивных судов. 11. Тропическое растение, дающее материал для лёгких построек, мебели и др. 13. Согласное звучание нескольких музыкальных тонов. 16. Каменщик. 17. Народный музыкальный инструмент. 19. Декоративный сосуд для украшения жилья или общественных мест. 20. Один из сыновей Тараса Бульбы. 21. Старинная аптекарская мера веса. 22. Древнеримское божество, изображавшееся с двумя лицами, теперь — двуличный человек. 25. Навес над балконом, крыльцом, наружной дверью. 27. Местность, расположенная по нижнему течению

реки. 29. Спортивная верхняя одежда. 30. Легендарный корабль революционного Балтийского флота. 31. Огородное растение с крупными яркими цветами. 33. Вокальное произведение для одного голоса. 34. Разрушение, разложение. 35. Часть приёмно-передаточного радиоустройства.

По вертикали. 2. Лиственное дерево. 3. Газ, применяющийся в устройствах световой рекламы. 4. Одна из вершин Большого Кавказа. 5. Остров. 6. Газетная или журнальная заметка. 8. Часть света. 10. Лиственное дерево, родственное тополю. 12. Сельскохозяйственная специальность. 13. Сорт яблок. 14. Задира, любитель ссор. 15. Участок леса, ограниченный просеками. 18. Рассказ Н. В. Гоголя. 19. Дерево с гибкой древесиной, из которой делают полозья, ободья и т. п. 23. Ухищрение, ловкий, хитрый приём. 24. Богиня неба, земли и «подземного мира» в древнеегипетской мифологии. 26. Участок земли, засеянный овощами. 27. Пешеход. 28. Часть света. 31. Часть шасси автомобиля, расположенная над осями. 32. Машина для подъёма грузов.

КАК ЭТО СДЕЛАТЬ?

(Составил Я. Алексеев)

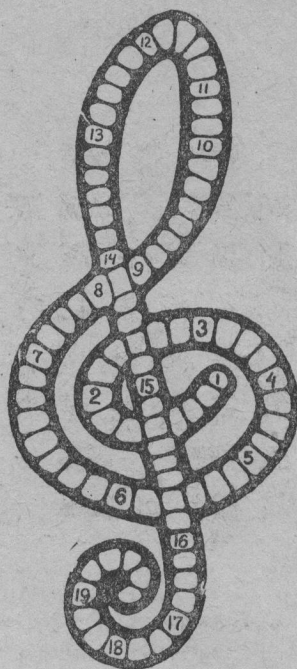
Перед вами — неравенства, сложенные из спичек. Переложите в каждой строке по одной спичке так, чтобы неравенства превратились в равенства.

$$\begin{aligned} VI + V &= II \\ V + V &= V \\ VIII - V &= XII \end{aligned}$$

ЮНЫМ МУЗЫКАНТАМ

(Чайнворд составил наш юный читатель, пожелавший остаться неизвестным).

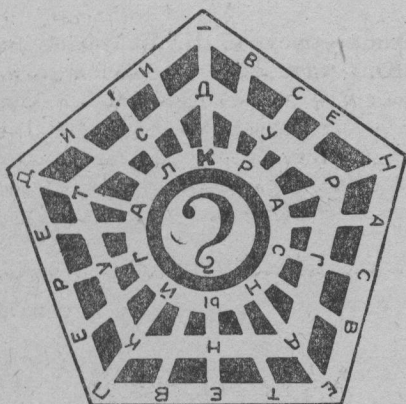
1. Небольшая лирическая ария в опере. 2. Обозначение в нотописании, указывающее, что играть нужно взволнованно, оживлённо. 3. Музыкальное произведение, написанное для восьми исполнителей. 4. Характер звука, звуковая окраска. 5. Степень высоты и силы голоса. 6. Вокальная музыка, мелодия и ритм которой подчинены речевому произношению. 7. Танец. 8. Армянский народный музыкальный инструмент — разновидность домбры. 9. Совокупность звуков музыкального строя. 10. Музыкальное произведение, написанное для двух исполнителей. 11. Русский народный танец-пляс. 12. Переложение оркестровой пьесы для фортепьяно. 13. Сильное расширение трубки корпуса у духовых инструментов. 14. Мужской голос среднего диапазона. 15. Строка из пяти линеек, на которых и между которыми пишутся ноты. 16. Небольшой струнный щипковый инструмент. 17. Опера Джу-

зеппе Верди. 18. Низкий женский голос. 19. Первый тон гаммы, по которому получает своё наименование данный музыкальный строй.

ГОЛОВОЛОМКА

Составил И. Иванов (г. Львов).

Начиная с буквы «К», найдите непрерывающийся путь и прочтите... Интересно, что вы при этом прочтёте?

Проверь себя

(Ответы к «Искорке»
№№ 4, 5, 7)

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Ежа, пион, дрок, костяника, осот, чина, калина, кедр, липа, кувшинка, лилия, ива, аир, ясень, вереск, роза, капуста, арбуз, белена, костёр, клубника.

ЗАДАЧИ

1.
Сто двадцать ступеней.
2.
Двенадцать колец.

ЗАГАДКА

Спички.

РЕБУС

Лермонтов. «Бородино».

РЕБУС-ШУТКА

Ложь стоит на одной ноге, а правда — на двух.

СОДЕРЖАНИЕ

У ручья. Стихотворение И. Маляровой	1
Валашка Яношика. Повесть А. Дугинца	2
Ай да кукуруза! Рассказ в рисунках К. Бекташева ..	13
В добрый путь!	14
Новый клуб. Зимний вечер. Тропинка. Родная сто- рона. Стихотворения Л. Дятлова	15
Где команда противника? Загадочная картинка А. Илючека	16
В тайге. П. Сигунов	17
Как Жора рекорд «проворонил». Рассказ в рисунках К. Бекташева	23
«Север—Юг». Л. Гаврилов и В. Суслов	24
Тайны посёлка Званцево. Повесть А. Валецкого ..	31
Где няньки? Загадочная картинка А. Илючека	42
У папы день рождения. Рассказ в рисунках М. Бекташева	43
Загадки ..	43
Сказки народов Азии и Африки	44
Вокруг Европы. Ю. И. Гусев	57
Клуб смекалистых ребят	62

На первой странице обложки — рисунок К. Бекташева
«Мы все тебя встречаем, товарищ урожай».

На второй и третьей страницах обложки — фотоочерк
П. Белова «В Сингапуре».

На четвёртой странице обложки — рисунок К. Бекта-
шева к стихотворению «Север—Юг» (стр. 24).

Редактор М. С. ЗЫКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Центр
Фонтанка, 57. Тел. А-4-48-51.

Сдано в набор 15/VII. Подписано к печати 13/VIII. 4 печ. листа. Уч.-изд. л. 6,08.
М-36668. Заказ № 1067. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 1 рубль. Тираж 75.000.

Типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

долюбивым и талантливым должен быть народ, создавший эту красоту! Как он украсит свою жизнь, когда освободится от чужого гнёта!

А гнёт этот чувствуется в Сингапуре на каждом шагу. Вот перед нами роскошные магазины и автомобили, мимо которых по мостовой бредёт группа босоногих рабочих. О многом говорит эта картина. (Фото внизу на второй стр. обложки).

Я пошёл следом за рабочими и скоро очутился в другом Сингапуре. Здесь текла

грязная река, забитая большими старыми лодками. (Фото сверху справа).

Мы узнали, что в Сингапуре проживает около 750 тысяч человек, в том числе почти 600 тысяч китайцев. Остальные полтора ста тысяч — малайцы, индийцы и хозяева колонии — англичане.

В Сингапуре много детей. (Фото слева). Их тысячами косят разные болезни.

Англичане превратили Сингапур в крупнейшую военно-морскую и военно-воздушную базу. Они выкачивают из этой маленькой колонии огромные барыши.

